

22 апреля —
день рождения
Владимира
Ильича
Ленина

КОСТЁР

4 АПРЕЛЬ 1979



КОСТЁР

4

АПРЕЛЬ

1979

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года
© „Костёр“, 1979 г.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

●
**Рассказ
об одном
рабочем дне
Владимира Ильича
ЛЕНИНА
в трудном
1918 году**

●
**НАЧАЛО ПОВЕСТИ
„НА ЦЕЛИННЫХ ВЕТРАХ“**

●
**Встреча с пионерами
Колумбии**

●
**В ГОСТЯХ У СПОРТКЛУБА
„КУЗНЕЧИК“
РЕКОРДСМЕН МИРА
ВЛАДИМИР ЯЩЕНКО**

●
**На обложке рисунок Л. Иванова
„Коммунистический субботник“
в деревне в 1920 году»**



ДАЛЕКИЕ

Это случилось двадцать два года назад. Советский Союз произвел запуск первого в мире искусственного спутника Земли.

Тебе, родившемуся во времена многосуточных космических полетов, трудно понять тогдашнее ликование людей. Но среди множества переживаний, которыми одарила природа человека, быть может, наиболее сильна радость сопутствующая первому узнаванию. Советский спутник был первым.

Радио передавало, в какое

время над тем или иным пунктом планеты появится спутник. Люди поднимались на покатые крыши домов, чтобы быть поближе к небу. В условленный час на улицах уменьшали свет, останавливался транспорт, пассажиры выходили из троллейбусов. Все смотрели в небо, все высматривали из мириад звезд одну.

Человечество уже знало к тому времени, что Земля не является центром мироздания, что она — одна из многочисленных планет Солнечной системы, которая, в свою оче-



БЛИЗКИЕ ЗВЕЗДЫ

редь, находится на краю галактики, и галактика эта отнюдь не из самых замечательных и мощных. Человечество училось быть скромным и говорить с космосом на «вы».

Но не слабела мечта человека о космосе, она поселялась в душах тех, кто терпение труженика сочетал с дерзостью фантаста.

В начале века, когда еще новинкой по российским улицам проезжал сменивший конку трамвай, калужский учитель Константин Эдуардович Циолковский уже разрабатывал

проект ракеты, предназначенной для межпланетных перелетов. А спустя тридцать лет в сыром и темном подвале на Садово-Спасской в Москве обосновались его последователи. Долгое время они работали на свой страх и риск — без оборудования, без материалов, питаясь одним лишь энтузиазмом и верой в свою мечту.

И когда 17 августа 1933 года их ракета ГИРД-09 поднялась в небо и пробыла в полете 13 секунд — человечество не рукоплескало их подвигу, оно продолжало заниматься дела-

ми, не подозревая, что штурм космоса уже начался. В группе создателей и испытателей этой ракеты был будущий главный конструктор первых искусственных спутников и первых космических кораблей Сергей Павлович Королев. Имя его еще долго будет неизвестно миру.

Сергей Павлович Королев мог бы сказать о себе словами Грэя из «Алых парусов»: «...Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками». В то время, когда на

Монетном дворе печатались значки с изображением первого спутника, Королев уже мечтал о полете в космос человека. Мечтал, то есть работал. Мало кто смел предположить тогда, что от полета человека в космос мир отделяет не сто, не пятьдесят лет, а всего четыре года. От стремительности и грандиозности свершений зябко поежились бы даже герои Жюль Верна.

И вот 12 апреля 1961 года в космос полетел первый человек. Им, как вы знаете, был советский космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

Мир праздновал победу человеческого разума и духа. На улицах возникали стихийные демонстрации и митинги, незнакомые люди обнимались, поздравляя друг друга, пели песни. Транспаранты восклицали: «Ух ты!», «Ура Гагарину!», «Я тоже хочу!». Когда Красная площадь приветствовала первого в мире космонавта, группа рабочих подняла вверх плакат со словами: «Чур, я второй». Гагарин увидел плакат, улыбнулся: «Второй уже есть, ребята!» И никто не знал, что космонавт номер два — Герман Титов — стоял в это время рядом с Гагариным. Имя его планета узнает через четыре месяца.

Для космонавтов и конструкторов это были дни труда. Каждый новый полет не только раздвигал границы наших знаний о космосе, но и ставил новые вопросы. А ведь у первопроходцев не было опыта, на который они могли бы опереться. До всего нужно было доходить самим. Какой должна быть форма корабля? Как его компоновать, чтобы и на самую малость не сбить центровку? Из какого материала делать стекла иллюминаторов и сам спускаемый аппарат, чтобы он не сгорел в плотных слоях атмосферы? И главное — сможет ли космонавт находиться долгое время в условиях невесомости? До полета Гагарина этого никто не знал. Как, например, организовать питание космонавта? Автор книги «Старт

в бесконечность» Виктор Шурлыгин пишет по этому поводу: «Одни утверждали: человек не сможет глотать пищу, лишённую веса. Другие доказывали: невесомость вызовет у космонавта полную потерю вкусовых ощущений и даже некоторые отрицательные эмоции. Завтрак Гагарина и его спокойное «закусил неплохо» мгновенно разрушили одни гипотезы и сделали аксиомой другие. Стало ясно: человек может питаться, а следовательно, и долгое время жить в космосе».

Но это было только начало. На орбиту стали вылетать уже целые космические экипажи. Побывала в космосе первая и единственная пока женщина — космонавт Валентина Терешкова. Наконец, было решено провести дерзкий эксперимент: вывести космонавта за пределы корабля — в открытый космос. И здесь было много гипотез, и здесь никто ничего не мог сказать наверняка: «Одни считали: после выхода во Вселенную космонавт «приварится» к кораблю. Другие утверждали: бесконечное пространство вызовет страх у человека перед космосом, и человеческая психика не выдержит. Третьи доказывали: человек, лишённый привычной точки опоры, не сумеет сделать ни одного движения за бортом... Отказаться от эксперимента — значило на долгие годы, быть может, навсегда похоронить большую и светлую мечту о гигантских орбитальных станциях, которые будут собираться из блоков, о космонавтах-монтажниках, составляющих из этих блоков единое целое».

Но эксперимент все же был проведен. Первым человеком, вышедшим в открытый космос, стал советский космонавт Алексей Леонов.

А вскоре в космосе была проведена первая космическая сварка металлов, появились орбитальные научные станции, поднялись в небо первые международные экипажи, космические корабли полетели на Луну, на Марс, на Венеру. Немалую пользу стала оказывать космонавтика и народному хозяйству. Оказалось, что «в кос-

мосе можно было творить настоящие чудеса. Скажем, смешивая расплавленный металл и керамику, легко получить однородный сплав — операция абсолютно невозможная на Земле. Материалы с большим удельным весом в земных условиях оседают на дно печи, а легкие всплывают.

Если в тот же расплавленный металл впрыснуть пузырьки воздуха или газа — получится пенометалл. Материал, похожий на губку, не тонущий в воде, не горящий в огне, легче алюминия, не уступающий по прочности стали».

Делались открытия, рассыпались иллюзии и стремительнее, чем когда бы то ни было, старели песни. Ученые определили: знаменитые марсианские каналы не являются сооружениями искусственными. Марс необитаем, и никогда не будут цвести на нем яблони.

Стареют песни, но не стареет надежда человека на обитаемость космического пространства. Были на пути в космос и неудачи, были и жертвы. Благодарное человечество всегда будет помнить имена погибших космонавтов. Нет уже с нами Юрия Гагарина. Умер Сергей Павлович Королев. Но ни смерть, ни гибель не в силах остановить человеческую мысль. Вот почему новые безымянные конструкторы проектируют новые корабли, а новые космонавты готовятся к будущим полетам.

История отечественной космонавтики, быть может, одно из самых волнующих, удивительных и драматических событий XX века. Она рассказывает о борьбе характеров и идей, об исполнении мечты и ненасытной жажде творчества. О людях космоса — инженерах, космонавтах, конструкторах, об их нелегком и поразительном труде вы сможете прочитать в интересной книге Виктора Шурлыгина, которая вышла в издательстве «Детская литература» в 1978 году, — «Старт в бесконечность».

Николай КРЫЦУК

Оформление
Т. Капустиной

НА ЦЕЛИННЫХ ВЕТРАХ

Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

ЧП В ГУСАКОВКЕ

Уж так тихо поднялись отец с матерью — на цыпочках ходили, и обувались в сенях, и дверью старались не хлопать, а Даша все слышала. «У нашей Дашутки сон на зорьке чуткий, — шутила, бывало, бабушка Устинья. — Только к завтраку не добудешься».

Ах, баба Устя... Вот встанет Николушка и начнет бродить по дому и по двору; на кухню заглянет, в мастерскую, в дежурку: дом-то при

трансформаторной подстанции, два хода с веранды — одна половина жилая, другая служебная, диспетчерская, попросту — «дежурка». Выйдет на крыльцо Николушка, протопает следом за папой в гараж, где стоит старенький грузовик и новый ярко-голубой мотоцикл «Урал», сунется в хлев, где корова Рыжуха, в курятник, даже в конуру к Лапику заглянет и все будет звать: «Баба... баба-а-а...» Как ему объяснишь, что не может баба Устя постоянно на подстанции жить. У папы вся родня на Волге, только он после армии на целине



остался, вот и ездит баба Устя туда-сюда: и на Волге внуки, и здесь — всех жалко, всем надо помочь.

Светало. Уже различались большая и малая стрелка на часах — было начало шестого. Закокотал за окном петух, слетевший с насеста, коротко мыкнула Рыжуха. Даша представила, как мама опасливо подвигает скамеечку, поглаживает теплый коровий бок, ополаскивает вымя. Неделя, как уехала баба Устя, а Рыжуха дважды подоиник ногой поддавала. Даша прислушалась: не гремит ли вновь подоиник, но нет, не слышать. И вдруг: «Би-у-у...» Громко, пронзительно, так сирены воют, когда по телевизору войну показывают. «Би-у-у...» Это в дежурке сигнализация сработала, значит, где-то неполадки на линии. И разом зазвонил телефон в соседней комнате. Даша босиком выбежала из детской — красный аппарат на тумбочке, рядом с родительской кроватью, трезвонил так, что готов был на пол спрыгнуть. Даша сняла трубку.

— Подстанция! Вы слышите? У нас в Гусаковке ЧП!

Мама вбежала в комнату прямо с подоиником, сунула его Даше, выхватила трубку:

— Диспетчер Баюкова слушает! В коровнике погас? И в кормоцехе? А электрик ваш где? Болеет? Ясно... — Мама вытерла концом косынки вспотевший лоб. — Приедет Баюков, приедет, не волнуйтесь. — А у самой над бровью проступил багровый шрамик — он всегда проступал, когда мама нервничала.

Нагнув голову, чтобы не стукнуться о приголовку, шагнул в комнату отец. В руках у него была пакля — оттирал трансформаторное масло.

— Папа! В Гусаковке ЧП!

— В Гусаковке? Так, так... Вот незадача. Там электрик вчера аппендицит схватил, — папа виновато взглянул на маму. — Придется мне ехать, Наташа, а тебе на дежурство заступать.

— Конечно, Павлик, я так и объяснила, что ты приедешь.

Багровое пятнышко все горело у мамы над бровью, и Даша понимала: мама нервничала из-за того, что ничего толком по хозяйству не успевает с тех пор, как нет бабы Усти. Вот и сейчас — папа уезжает, значит, мама в ответе за все оборудование.

«Ведь как люди живут? — говорила на прощанье баба Устя. — Утром — на работу, вечером — домой. А у вас попробуй пойми, где дом, где работа? День ли, ночь — нет вам покою. Живете на ветру, на юру, от добрых людей вдали, только и слышно, как эта нечистая сила в будках гудит. Перебирались бы лучше в село, вон и Дашутка — легко ли отсюда в школу бегать?»

Даша все еще держала подоиник, который сунула ей мама. Молока в нем было на донышке.

— Знаешь что, мама? Раз тебе некогда, можно я Рыжуху подою?

— Еще чего! Она тебя и не подпустит. Ложись-ка, поспи еще часок, не то будешь на уроках носом клевать.

За окном протрещал мотоцикл — папа уехал, промелькнула мамина косынка — это она пошла к трансформаторам.

Даша закрыла глаза, потом опять открыла... Голубоглазая девочка лет пятнадцати в ярком сарафане и косынке стояла на лесной поляне. Молодые березы касались ветвями ее плеч, у ног, в густой зеленой траве, играли солнечные зайчики. Смеясь, девочка протягивала Даше берестяное лукошко, полное крупных спелых ягод. Нет, это был не сон, и девочка была не из сказки. Это была Аля, единственная дочь тети Фаи, единственной маминой сестры. Почти в каждое письмо тетя Фая вкладывала новые Алины фотографии, а эту, цветную, что висела в рамке под стеклом над Дашинной кроватью, прислала в большом конверте, обложенную листами картона, и надпись была на конверте с шестью восклицательными знаками: «Осторожно!!! Фото!!!»

Когда распечатали конверт, все так и ахнули. «Меня бы хоть раз на цветную сфотографировали», — упрекнула Даша маму. «Это же в город надо ехать, Дашенька, — оправдывалась мама. — И навряд ли там сделают так. Дядя Сеня — он на все руки мастер: и фотограф, и художник, и артист. Не зря клубом заведует». — «А почему они к нам ни разу в гости не приедут?» Мама погрузилась: «В обиде на нас тетя Фая». — «Это за то, что ты замуж без спроса вышла? Так уж десять лет прошло». — «Ну, она, видно, ждет, что мы первые приедем. Не так далеко вроде, а когда нам, Дашенька?»

Некогда, некогда... А Рыжуха-то мычит недоенная... Даша встала и начала одеваться.

Ночью было холодно, все железное во дворе не то инеем покрылось, не то просто отпотело, но астры в палисаднике еще держали прямо свои пышные разноцветные головки. Значит, настоящего заморозка не было. Выходило солнце, и воздух, в котором до этого лишь клубился пар изо рта, вдруг ожил. Золотистыми точками закружилась мошкара, поплыли радужные паутинки. Подстанция стояла на плоском бугре, прозванном Сурочьем. Папа говорил, что, когда начинали строить подстанцию, здесь было много сурков, они побросали свои норы и разбежались кто куда. С севера белели в зелени садов дома центральной усадьбы совхоза «Тополиный» — это был самый ближний к подстанции совхоз. Туда бегала Даша в школу, сама же подстанция была не совхозная, а общая, она питала током еще пять окрестных хозяйств, которые скрывались где-то за горизонтом. Вокруг расстилались поля: спелые золотистые полосы пшеницы, красновато-

коричневые — гречихи, темно-зеленые — многолетних трав.

Вдалеке все поля становились фиолетовыми, постепенно растворяясь в белесой дымке. И вот из этой дымки, сначала смутно, а потом все яснее возникали ажурные мачты. Они казались путниками, неспешно бредущими друг за другом. Приближаясь, мачты вырастали до самого неба и гудели сверкающими на солнце проводами. От одной такой мачты и отходили провода к трансформаторам на Сурочьем бугре. Никто, кроме Дашиных родителей, не имел права отомкнуть тяжелый замок на двери железной ограды, пестревшей табличками: «Высокое напряжение! Опасно для жизни!» Гудела и содрогалась могучая электрическая сила, а для Даши это гудение было таким привычным, что она его даже не замечала. И мама спокойно хозяйничала возле электрических махин, заправляла их маслом, хлопала железными дверцами счетчиков.

К Даше подбежал пес Лапик, черный, лохматый как медвежонок, завилал хвостом, запрыгал, заглядывая в глаза: дескать, давай побегаем, поиграем.

— Некогда, Лапик, — сказала Даша. Она вернулась на кухню, отрезала ломоть черного хлеба, посыпала его крупной солью. Пестрый кот Прохор, весь в рыжих и черных пятнах, умильно жмурился на подойник — он привык, чтобы его поили парным молоком.

— Тут как раз только для тебя, Прошка, — сказала Даша и выплеснула молоко в кошачье блюдце.

Прошка стал лакать, а Даша взяла подойник и пошла в хлев, чувствуя, как слабеют колени. Одно дело доить, когда баба Устя рядом, другое дело — самой...

Рыжуха удивленно скосила на девочку темный выпуклый глаз и перестала жевать жвачку. Даша протянула ей хлеб, корова шумно вздохнула,хватила ломоть влажными губами, а Даша поспешно подвинула скамеечку:

— Рыжуха, миленькая, Рыжуха, родненькая, отдай молочко...

«Тре-е-нь...» — ударила тоненькая струйка, и Даша сильнее заработала пальцами, не забывая приговаривать, как баба Устя:

— Ты моя умница, ты моя красотушка, дое-нушка ты моя...

Под эти ласковые слова Рыжуха совсем расслабилась — теплое молоко шипело и пенилось в подойнике. Лишь под конец корова нетерпеливо дернула ногой, и Даша поспешно убрала ведро.

Прошка уже вылакал все из блюдца и теперь умывался на солнечном подоконнике.

— Ах ты, пустомойка, — радостно сказала ему Даша, процеживая молоко. Одна кринка, вторая... — Пустомойка, — повторила она ко-ту. — Все гостей намываешь, а где они, твои гости?

«Пустомойкой» Прошку звала баба Устя, а Лапика — «пустолайкой», потому что он часто по ночам лаял без толку. А может, и не без

толку Лапик лаял; может, это корсак, юркий, маленький лис, к курятнику подкрадывался; может, совы летали; может, слышал он в селе собачий лай и откликался на него...

Даша торопится — картошки надо начи-стить, пол надо подмести. Придет мама от трансформаторов, а уже столько дел сделано, вот обрадуется! Ой, а воротничок пришить к школьному платью...

А мама уже в диспетчерской, с кем-то по рации говорит... Идет! Даша бегом в детскую, укрылась с головой одеялом, затаилась.

— Дашенька, доча, что ж ты разнежилась так? В школу опоздаешь.

Не выдержала Даша да как прыснет...

— Ты чего? — удивилась мама.

— Да так... — и снова рассмеялась, даже ногами задрогала.

— Никак тебе смешинка спозаранку в рот попала, — отмахнулась мама и пошла на кухню. А там уже картошка на газовой плите варится, на столе кринка с молоком процежен-ным, пол подметен... И Даша-то, оказывается, одетая уже для школы, с косичками заплетен-ными.

— Ба-ба! Ба-а-а, — прошлепал на кухню проснувшийся Николка. Ни мамы, ни сестры ему не надо, бабушку подавай.

— Недоглядывш ты наш... — поспешно под-хватила его мама на руки. — Босиком по хо-лодному полу...

Только сели завтракать — вернулся папа.

— Вот хорошо, — обрадовалась ему Да-ша. — Значит, ты меня в школу отвезешь?

— Отвезу, — папа как-то странно поглядел на Дашу и улыбнулся. — Ты пока ешь, я ко-ляску освобожу.

— Ну что там за авария? — спросила мама.

— Журавль на провода налетел.

— Журавль? — Даша поперкнулась горячей картошкой. — Бедняга... Он разбился?

— И еще, — продолжал папа, не ответив Даше. — Мальчишки опять изоляторы из ро-гатов побили, вот и захлестнуло провода.

— Папа... Ну чего ты? Где журавль? Он убилися?

На дворе лаем заходилась Лапик.

— Что он там на мотоцикл бросается? — выглянула в окно Даша. — В коляске кто-то есть?

— Выдал Лапик, — засмеялся папа. — Не хотел тебе до школы говорить, а то замешка-ешься. Даша, куда ты? Постой!

Но Даша уже мчалась к мотоциклу, лишь косички отлетали. Там, в коляске, под при-стегнутым брезентовым фартуком что-то тре-пыхалось. Даша отстегнула одну застежку, другую, приподняла краешек фартука.

— Даша! — крикнул папа, ебегая с крыль-ца. — Не поднимай брезент!

Но было уже поздно. Бац! — мелькнул длин-ный, крепкий как долото клюв, и Даша ойкнула от боли. Пес еще яростней бросился на коляску. Подбежал папа, снова застегнул фартук.

— Очень больно? — спросил он Дашу. — Он

и мне все руки поклевал, пока я не догадался ему на голову фуражку накинуть. Темно ему стало, он и притих. Лапик, пошел прочь, пошел, я тебе говорю!

— Так это тот самый журавль?

— Тот самый. Нынешнего выводка, но уже большой, с гуся. Крыло вывихнул, а так ничего. Поправится.

— А где ты его нашел?

— В кювете, возле дороги... Да у тебя из руки кровь каплет! Ну, будет нам от мамы. Мама и в самом деле рассердилась.

— Угораздило тебя, — укоряла она отца. — Мало нам хлопот.

— А что его, журавленка, бросать надо было? — вступилась Даша. — Как ты можешь так говорить?

— Ладно уж, — смутилась мама. — Мне тебя жалко.

— А мне ничуть не больно...

Даша говорила неправду — журавль клюнул прямо в косточку, и теперь трудно было шевелить указательным пальцем.

— Ты бинтуй так, чтобы я писать могла, — морщась, говорила она маме.

Когда, уже с портфелем, Даша выскочила во двор, папа успел водворить журавленка в гараж и плотно закрыть двери.

Даша заглянула в маленькое оконце. Журавленок стоял в углу с опущенным крылом и настороженно вертел головой.

ВЕЗЕТ ТЕБЕ, ДАША...

Все выше поднималось солнце, все теплее и суше ветер, все гуще спелый хлебный дух, идущий с полей. Солнце — над степью, школа — посреди села. Считай, к каждому дому протянулись от нее дороги-тропинки, и самая длинная из них — Дашина.

— Тебе, Даша, хорошо, — сказала Галя Сивцова, звонко ударяя о землю резиновым мячом. — Тебя отец часто в школу на мотоцикле возит.

Галя била по мячу ладошкой, а Сауле Айдарова, круглолицая черноглазая девочка, считала:

— Сто тридцать восемь, сто тридцать девять...

Шумит школьный двор, пестрит красными галстуками, белоснежными воротничками и фартуками. В первые дни сентября все ходят в школу, как на праздник, пораньше спешат явиться, еще поиграть во дворе до начала уроков — погода-то сухая стоит и теплая, пахарю на радость — урожай убирать хорошо.

— Триста двадцать один, триста двадцать два... И когда ты, Галя, промажешь? — наконец возмутилась Сауле.

— А никогда! Буду бить до самого звонка!

Белокурый хвостик с розовым бантиком вздрагивал при каждом ударе мяча, пухлые Галины щеки покраснелись от удовольствия. И тут появился Тарас Бахтук со своим другом

Айдосом Ахметовым. Сельский парикмахер мальчишек стриг одинаково: маленькая челка, голова же — гладкий шар с торчащими ушами. У Айдоса челка черная, у Тараса — рыжая.

— Тарас-то в новой форме! — сказала Сауле.

— Ты считай давай, — одернула ее Галя, но и сама с любопытством взглянула в сторону Тараса. Костюм на нем был великолепный: с погончиками, с блестящими пуговицами, на рукаве нашивка — книга с кленовым листком. Видно, в городе купили ему этот костюм, в Тополином таких не продавали. И ботинки новые были у Тараса — красные с черным, на толстой подошве.

— Вот уж разоделся! — не выдержала Галя, продолжая бить по мячу. — Смотреть противно!

— Кто разоделся? — услышал ее Тарас.

— Ты, конечно!

— Ах так! — Тарас выхватил у Гали мяч и забросил его на крышу. Мяч покатился и застрял в водосточной трубе.

— Доставай теперь! — обиженно сказала Галя.

— Достанем, когда самолет отдашь, — отвечал Тарас.

— А я твой бумажный самолет вчера в печке сожгла. Не надо было запускать в наш огород.

— Врешь! — вспыхнул Тарас и схватил безрезвый прут. — Мы его весь день делали.

— Дурачок всегда за прут хватается, — поддразнила Галя, а сама боком-боком подвигалась к кучке девятиклассников у крыльца. Там была и Клава Сивцова, высокая девушка с белокурой косой. Подобравшись к крыльцу поближе, Галя крикнула:

— Не веришь? Конечно, сожгла! Ой, Клавушка, сестричка, спасай, Тараска опять дерется!

— Это что еще за безобразие! — девятиклассник Леша Зырянов, известный всей школе бригадир ученической трудовой бригады, выхватил у Тараса прут, сломал и бросил в палисадник. — С девчонкой драться? Эх ты...

— А чего она... — проворчал Тарас.

— Пускай он мячик достанет! — расхрабрилась Галя, но тут прозвенел звонок и ребята гурьбой бросились в школу.

Класс, куда вбежала Даша с подружками, был уютным. На окнах трепетали нарядные легкие шторы и цвела герань, а в углу, в большой кадке, рос могучий кактус. Парты еще пахли свежей краской.

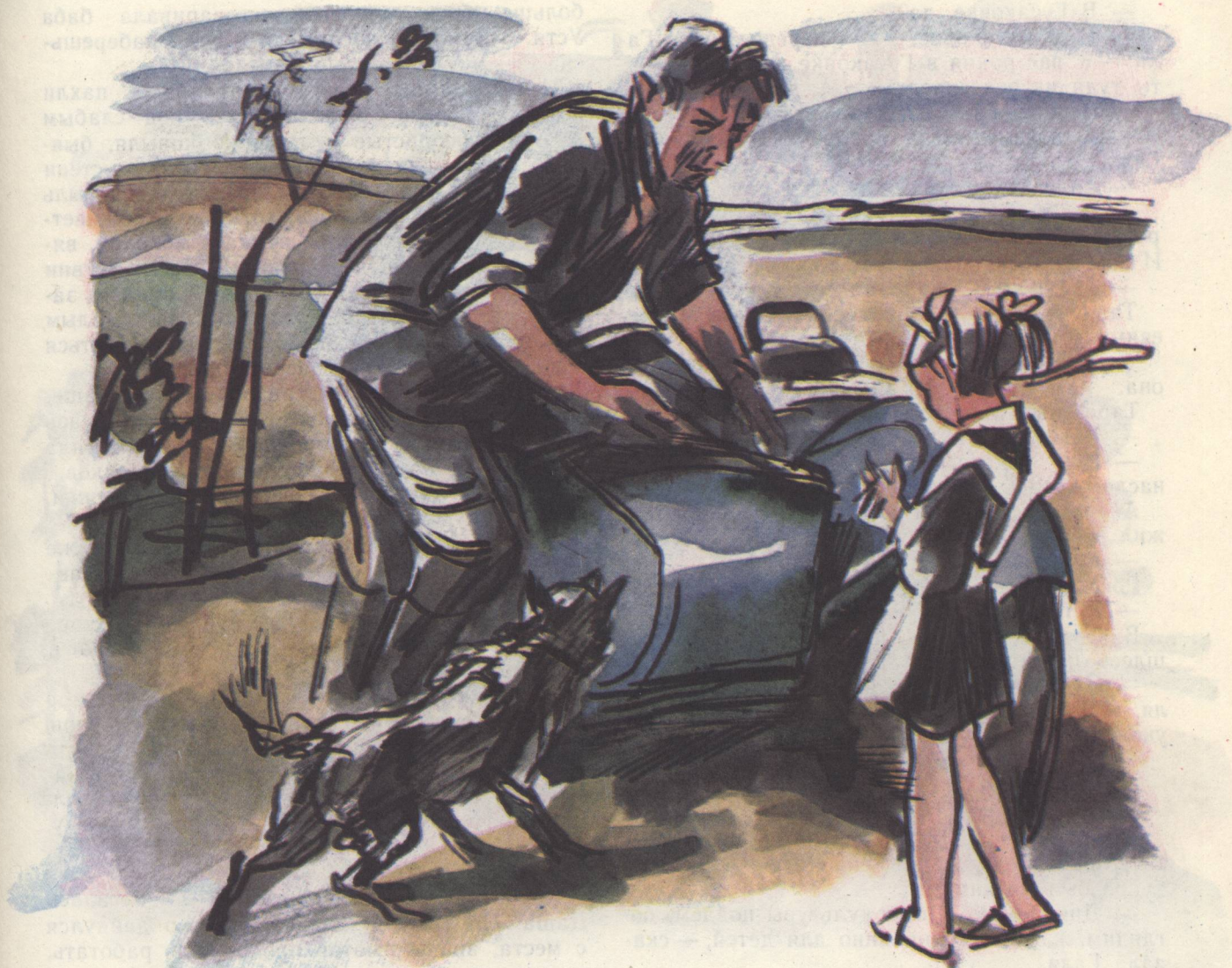
— Задачку все составили? — спросила Анна Матвеевна. — Кто первый прочитает?

Галя Сивцова приподнялась на цыпочки, легла на парту и далеко вперед протянула правую руку.

— Успокойся, Галя, — сказала Анна Матвеевна. — Я всех вижу. А что у тебя, Даша, с рукой?

— Журавль клюнул...

И тут разом опустились все руки в классе: кто был впереди — оглянулся, кто сзади — вытянул шею, — все стали смотреть на Дашину руку.



— Ох ты и хитрюга, Дашка! — прошептала Галя. — Ее журавль клюнул, а она помалкивает. Мне-то уж могла бы сказать.

— А когда мне было сказать? — шепотом оправдывалась Даша. — Ты по мячику била, потом с Тарасом ругалась.

— Про журавля нам Даша потом расскажет, — сказала Анна Матвеевна, — а сейчас к доске пойдет Айдос Ахметов.

В задачке Айдоса перечислялось, сколько было в совхозе тракторов разных марок в прошлом году и сколько добавилось в этом. Нужно было узнать, сколько всего стало тракторов.

— Хорошая задачка, — похвалила Анна Матвеевна. — А откуда ты взял эти цифры?

— Алтынай помогла, — потупился Айдос.

Алтынай была сестра Айдоса, лучшая трактористка не только в совхозе, но и в области, ее даже по телевизору показывали.

— Подумаешь, и тут своей сестрой хвастается, — прошептала Галя Даше. — А у меня, между прочим, задачка не хуже...

Даша промолчала, но подумала, что Галя тоже часто хвастается своей Клавой. Хорошо, когда есть старшая сестра или брат. Вот если бы Аля была здесь, как было бы здорово! Ничего, что не родная, а только двоюродная, все равно сестра.

Лишь перед самым звонком, продиктовав домашнее задание, учительница обратилась к Даше:

— Так расскажи нам про журавля.

И Даша рассказала. Про журавля, про аварию и, как мальчишки из рогаток изоляторы побили, тоже упомянула.

Все это время Галя Сивцова нетерпеливо вертелась на месте.

— Анна Матвеевна! Можно я скажу? — вскочила она, едва Даша закончила рассказ. — А у Тараса Бахтюка рогатка есть!

Тарас подскочил, будто в него самого из рогатки пульнули:

— А твое какое дело?

— А такое! Может, это ты чашечки на столбах побил.

— В Гусаковке, да?
 — И в Гусаковке, да, — передразнила Галя. — У вас родня в Гусаковке живет. Может, ты туда на велосипеде поехал и побил...
 — Не бил я никаких чашечек...
 — А почему тогда покраснел? — обличала Галя.
 — Анна Матвеевна, я честное слово не бил!
 — Не верьте ему, Анна Матвеевна, он из рогатки в наших куриц стрелял и в кошку тоже. И еще он сегодня мой мяч на крышу закинул.
 — Это правда, Тарас, насчет куриц и кошек? Тарас опустил голову. Лицо у Анны Матвеевны погрузнело.
 — Рогатка у тебя с собой? — сухо спросила она.
 Тарас вытащил рогатку из кармана.
 — Клади на стол.
 — И у Айдоса тоже есть рогатка, — Галя наслаждалась мстостью.
 Айдос не стал ждать, сам подошел и положил рогатку на стол учительницы.
 — Еще у кого есть?
 Рогатки оказались еще у троих мальчиков.
 — А теперь бегите на перемену.
 В коридоре все окружили Дашу, и ей пришлось повторить свой рассказ про журавля.
 — Ну и везет тебе, Дашка, — твердила Галя. — Я думала, ты просто порезалась или укололась...

ДАШИНА ТРОПИНКА

Из школы Даша и Галя вышли вместе. Было по-летнему жарко, даже асфальт на тротуаре был мягким.

— Давай мимо Дома культуры пойдем, поглядим, какое сегодня кино для детей, — сказала Галя.

— Мне домой надо.

— Так тебе же все равно, что по этой улице, что по той.

Трехэтажный Дом культуры слепил глаза, словно солнце: стены его были из желтого и голубого глазурованного кирпича. Внизу располагался зал, в котором показывали кино и выступали иногда приезжие артисты, а наверху было много-много комнат для всяких кружков.

Когда еще дом не был достроен, ребята играли здесь в прятки. Теперь все комнаты были на замке, а кружки не работали, потому что их некому было вести.

— Ура! — воскликнула Галя. — Сборник мультфильмов в четыре часа. Мультики! Мультики! — она запрыгала на одной ножке. — Может, останешься? Пойдем к нам, пообедаем.

— Нет, я домой. Журавленка лечить.

— Везет тебе, — вздохнула Галя. — Конечно, зачем мультики, если дома журавленок...

Новые туфли жали ногу, и Даша разулась, как только вышла за околицу. Тропинка пролегла между придорожной канавой и лесной полосой. Земля была теплая, запыленные листья подорожника ласкали ступни. «Ты по-

больше босиком бегай, — говаривала баба Устя. — Землицы коснешься — силы наберешься».

Иглы полыни, разогретые солнцем, пахли резко и горько; раскачивались под слабым ветром серебристые султанчики ковыля, бывшего «степного короля». Теперь-то в степи «другая царица — золотая пшеница», а ковыль к дороге жметя: «авось, хоть здесь поживется...» Рядом — пастушья сумка и молочай, вязель и мышиный горошек... В предчувствии близкой зимы каждая травинка стремилась заявить, что еще живет: запахом, запоздалым цветиком, а то и колючкой, норовившей впитаться в пятку, лишь только зазевайся.

Некогда сегодня останавливаться Даше, сплела бы себе венок из вязеля, полакомилась бы «калачиками» придорожной герани, пустила в разные стороны парашютики одуванчиков... А вот это — овсюг, развесил свои сережки, настоящему овсу подражает.

Сзади послышался густой гул мотора и даже земля содрогнулась, когда с девочкой поравнялся огромный оранжевый «Кировец».

— Эгей! — высунулась из кабины трактора молодая черноволосая женщина. — Садись, подвезу!

Да это же Алтынай! Сестра Айдоса! Трактор гудел так сильно, что Даша не разбирала слов, и трактористке пришлось дважды повторить приглашение. Даша с разбегу перемахнула канаву и, ухватившись за протянутую руку Алтынай, вскарабкалась на высокую ступеньку.

Усадив Дашу, Алтынай захлопнула дверцу, и вдруг стало тихо.

— Мотор, что ли, испортился? — испугалась Даша. Но трактор плавно и легко двинулся с места, значит, мотор продолжал работать, просто его не стало слышно. Сквозь большие чистые окна лился в кабину солнечный свет, золотистый от пшеничных полей, желтеющих березовых перелесков. Все вокруг виделось далеко-далеко. Можно было смотреть направо и налево, вперед и назад. А сама кабина была уютной, как небольшая комната: мягкие сиденья, красные резиновые коврики на полу. Откуда-то сверху веял приятный ветерок, и совсем не пахло бензином. Даша с любопытством разглядывала разноцветные кнопки и лампочки на панели, бесчисленные рукоятки, рычаги... Все они были послушны Алтынай, и ее маленькие ноги в туго зашнурованных кедах твердо нажимали на педали.

Даша почувствовала, что завидует Алтынай, а заодно и Айдосу — ведь он может, когда захочет, покататься на этой чудесной машине, которую водит его сестра.

— Как там братишка мой? — спросила Алтынай, словно угадав Дашины мысли. — Не озорует?

— Не-е-ет, — протянула Даша, решив не говорить про рогатку. — Айдос пятерку сегодня получил по арифметике — задачку про тракторы составил.

— Значит, пятерку? — улыбнулась Алты-



най. — Молодчина Айдосик. Он ведь способный. Все в момент запоминает, а рисует как!

— Тетя Алтынай, — поколебавшись, спросила Даша. — А почему Айдос говорит, что скоро отсюда уедет?

Алтынай вздрогнула и повернулась к девочке: — Когда он это сказал?

— Сегодня... — Даша даже пожалела, что сказала, потому что глаза Алтынай вдруг как-то странно заблестели и она задрала голову, как бы рассматривая потолок. По своему опыту Даша знала — это лучший способ не заплакать: слезы не выливаются из глаз и стоят, как в блюдах. Нужно только часто-часто дышать носом, слезы испарятся, а плакать уже расхочется. Алтынай действовала точно по этому рецепту, и надо бы ей не мешать, но Даша испугалась, что трактористка не смотрит на дорогу и громадная машина может сползти в кювет.

— Тетя Алтынай, — тронула Даша ее за плечо.

Алтынай тряхнула головой, стала смотреть прямо перед собой, а слезы выкатились у нее

из глаз и поползли по щекам. Даша, конечно, и виду не подала, что все замечает.

— «Или я, или трактор...» Да как он может так говорить? Разве он не понимает, что не могу я трактор бросить. Замуж за него выходила — на все был согласен, а теперь...

«Это не про Айдоса она, — поняла Даша. — Это про своего мужа Темира».

— А все она, Маржан-апа... — это Алтынай уже про свою свекровь говорила. — «Не буду твоего ребенка нянчить, уходи с трактора. Муж твой в конторе, на чистой работе, а ты бензином провоняла, как мужик, только еще табак не куришь. Перед людьми нас позоришь, вам, говорят, денег мало, жадные, невестку на тракторе заставляете работать...»

Казалось, Алтынай совсем забыла, что Даша рядом, и разговаривала сама с собой.

Даша знала, что родители Айдоса и Алтынай живут на дальнем отгоне, там всего два домика для чабанов, а школы нет. Алтынай, когда училась, жила в интернате, а младшего брата взяла с собой в новую семью, чтобы он мог учиться в Тополином.

— Мальчишка есть мальчишка... Пошалит порой, так что ж теперь, казнить его? За маленьким смотрит, дрова колет, воду носит... Все мало, всё плохо. «Отправь его в райцентр, в интернат». Он ко мне привык, он скучать будет.

Доехали до поворота на подстанцию. Алтынай остановила трактор, открыла дверцу.

— До свидания, тетя Алтынай, большое спасибо! — Даша старалась перекричать гул мотора.

Алтынай вдруг снова захлопнула дверь, приблизила свое лицо к Дашиному:

— Никому, что я тебе говорила. Хорошо? И Айдосу тоже...

— Не скажу. Только вы его никуда не отправляйте. Ладно?

Алтынай улыбнулась:

— Ни за что с Айдосом не расстанусь.

Огромный оранжевый «Кировец» снова двинулся по дороге. А Даше вдруг вспомнилось, как она в первый раз увидела Айдоса. Занятия в первом классе уже шли несколько дней, но Даша еще не привыкла к школе. Почти все ребята были из детского сада, а Даша — «домашняя». По утрам она плакала и не хотела собираться в школу: ей так хорошо было на подстанции с бабой Устей, Лапиком и Прошкой. Галя тогда внимания на нее не обращала, играла только с Сауле.

И вот тут появился в классе Айдос. Он дичился еще больше, чем Даша. Айдос мог уже скакать на коне, пасти овец, различал, какие травы полезные, а какие ядовитые, но по-русски говорил плохо.

— Знаете что, ребята! — сказала Анна Матвеевна. — Мы должны как можно быстрее научить Айдоса русскому языку. Главной учительницей я назначаю Дашу. Садись, Даша, рядом с Айдосом.

На другое утро Даше показалось, что баба Устя слишком долго заплетает ей косички.

— Скорей, скорей, бабушка... Мне нужно Айдоса учить.

— Смотри ты, какая учительница, сама от горшка два вершка, — смеялась баба Устя...

— Скажи «тетрадь!» — требовала Даша.

И Айдос покорно повторял: «Тетрадь».

— Скажи — «парта»...

Если по совести, не такая уж была Дашина заслуга, что Айдос быстро научился говорить по-русски, просто он был очень способный. Потом Айдос крепко подружился с Гарасом Бахтюком, а Даша стала играть на переменах с Галей и Сауле. Да, не думала Даша, что Айдосу так трудно живется.

Лапик встретил Дашу обиженно скуля: «Чужак во дворе, а хозяева лаять не дают». Петух ворчливо кудахтал, кот Прохор тер лапой морду и нехорошо мяукал: он уже пытался пробраться в гараж и получил по носу.

Николка сразу потащил Дашу к гаражу.

— Ко-ко... Ва-ва...

— Это он рассказывает, как мы птичку лечили, — пояснила мама.

— Без меня?

— Так вывих же — скорей надо. Кое-как, вдвоем с папой, крыло вправили, забинтовали.

Даша заглянула в окошко. Журавленок стоял в полосе солнечного света, оставив назад правую ногу. Весь он был светло-серый, лишь длинная шея темнела да щека белела, а по затылку словно кто красной кисточкой мазнул. Журавленок изгибал шею, касаясь клювом забинтованного крыла — видно, сильно у него болело.

— Он ел что-нибудь? — спросила Даша маму.

— Да вон видишь, чашка с моченым хлебом стоит, и не притронулся. Болеет наш Курлышка...

— Как ты его назвала?

— Курлышка. А ты что, по-другому хотела?

Даша и сама не знала, как бы ей хотелось назвать журавленка. По-особенному как-то... Но, ничего не придумав, она сказала:

— Пускай будет Курлышка.

В тот день было письмо от бабы Усти.

— Как там Рыжуха? — беспокоилась бабушка. — Вы ей болтушку покруче заваривайте, не то урежет надой раньше времени, — ребяткам без молочка плохо. А травки мои, те, что на чердаке, не выбрасывайте, пускай висят, кушать не просят, может, и вам когда пригодятся. Кашлять Николушка начнет — подорожника напарьте. Да, забыла наказать. Капусту станете солить — берите соль не в пачках, а развесную. От соли в пачках капуста чернеет. Картошку не прозевайте — до заморозков выкопайте да гнилую и резаную отберите. Ну, оставайтесь во здравии. Ваша баба Устя, — закончил папа читать письмо.

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

В воскресенье копали картошку. Окна и двери в доме оставили открытыми и все прислушивались, не завоет ли аварийный сигнал, не зазвонит ли телефон? На подстанции нет выходных — всегда надо быть начеку. Но день выдался спокойный.

— Картошка какая уродилась! — радовалась мама. — Клубни что поросята, гладкие, розовые. Поглядела бы баба Устя...

Папу совсем загоняли. Он быстро подкапывал кусты на одном рядке и, пока Даша с мамой выбирали из земли клубни, хватал полные ведра и нес во двор под навес, где картофель рассыпали для просушки. Возвращается — рядок уже к концу подходит, у Даши с мамой опять ведра полные: «Потарапливайся!»

— И-го-го! — папа взбрыкивает ногами как конь, хватает ведра и согнувшись мчится во весь опор, а Даша с мамой хохочут до упаду.

Неожиданно Даша увидела подъезжающий «газик».



— Кто бы это мог быть? — удивилась мама, разгибаясь.

В машине, рядом с шофером, сидела женщина, боковое стекло кабины было опущено, и на ветру трепыхался конец газового малинового шарфа.

Газик остановился у кромки огорода. Женщина в малиновом шарфе выскочила из кабины, взглядела из-под руки в маму и Дашу и с криком «Наташенька!» побежала к ним. Глаза у мамы округлились, над бровью проступил шрамик.

— Фаечка! Родная моя! Да какими же судьбами?

Сестры обнялись, расцеловались, и тут же тетя Фая, стоя, как цапля, попеременно то на одной, то на другой ноге, стала вытряхивать набившуюся в туфли землю. Папа как раз

вернулся от навеса с пустыми ведрами и теперь с изумлением смотрел на эту сцену.

— Фаечка, это Павлик.

Тетя Фая протянула папе руку:

— Так вот кто у меня сестру украл.

— Никто ее не крал, сама осталась, — буркнул папа, и уши у него побагровели.

— Ага! — Даше стало досадно, что на нее до сих пор не обратили внимания. — Ага! Не зря Прошка гостей намывал, а то все на него «пустомойка», «пустомойка».

— Племянница ты моя дорогая! Ну-ка, дай я тебя лучше разгляжу! — Тетя Фая слегка отстранила Дашу. — Прямобровая, сероглазая, вся в нашу родню.

Загудел «газик». Те, кто в нем оставались, уже выставили тети Фаин чемодан и теперь давали знать, что уезжают.

— Погодите, — замахала руками тетя Фая и пояснила: — Это геологи, от самой станции меня подвезли. Может, картошечки им... Они как раз о картошке мечтали, где бы купить.

— Ну, конечно, — обрадовалась мама. — Даша, набросай в ведра клубни покрупней.

— Ладно, вы тут действуйте, — сказал папа, подхватывая чемодан, — а я к трансформаторам наведу, время уже.

— Наташа, он у тебя всегда такой бука? — спросила тетя Фая. — Или не рад мне, а может, ему картошки жаль?

— Ну что ты, Фая, — лицо у мамы сделалось несчастным. — Да он просто очень стеснительный...

Картошки нагребли быстро.

— Значит, вы геологи, — приговаривала мама, опрокидывая ведро в рюкзак. — А я когда-то геологом мечтала стать, даже два года проучилась.

— А потом? — спросил усатый геолог.

— Потом — бить ее некому было, — ответила за маму тетя Фая. — Поехала на целину со стройотрядом, да и осталась. На вокзале оркестр играет, я с букетом возле вагонов бегаю: «Где Наташа?» А мне: «Замуж вышла Наташа, просила вещи прислать». Меня чуть инфаркт не хватил...

— Ну, из-за этого инфаркт, — засмеялся усатый и обратился к маме: — Сколько мы вам должны?

— Да что вы? — обиделась мама.

— Ну что ж, спасибо, — геолог покрутил ус. — Тебя как зовут, девочка?

— Даша.

Геолог достал из машины плоскую коробочку:

— Держи на память!

В коробочке оказались разноцветные фломастеры, Даша давно о таких мечтала.

— А спасибо? — спросила мама. — У тебя что, язык ниткой перевязан?

— У нее глаза говорят спасибо, — засмеялся усатый. — Вон как сияют. Ну, до свидания.

В тот день картошку больше не копали. Перепачканный шоколадом Николка возился с великолепным самосвалом, который привезла тетя Фая, а Даша вертелась перед зеркалом в розовом платье с оборками и бантами. Из-под пышных оборок выглядывали черные, сбитые за лето коленки, локти были остры и шершавы, но все равно Даша очень себе нравилась в этом платье.

В соседней комнате, за столом у взрослых, было шумно и весело.

— Я ведь не просто к вам в гости приехала, — вдруг заявила тетя Фая, — я на разведку... Помнишь, Наташа, ты писала, что у вас в новый Дом культуры директор требуется?

Даша насторожилась, но разве даст Николка послушать? Такой грохот поднял со своим самосвалом.

Даша слышала только обрывки разговора: «подъемные... квартира с удобствами...»

— А ты все перед зеркалом? — заглянула

мама. — Давай-ка переоденься, кур покорми, да заодно и Курлышку.

— Это песика вашего так зовут? — спросила тетя Фая.

— Нет, его Лапиком зовут, — пояснила Даша, — а Курлышка — журавль.

— Какой журавль? — ахнула тетя Фая. — Ну и чудеса тут у вас...

Тетя Фая пошла в гараж вместе с Дашей. Курлышка уже немного привык к хозяевам, но, увидев незнакомку, забился в угол и судорожно дергал шейю.

— Алечка, если узнает, покою не даст: «Поедем скорей к тете Наташе». Она так животных любит! Кошка, собачка — всех в дом тащит...

В тот вечер тетя Фая только и восторгалась Курлышкой.

— Журавль в руках — не синица... Быть в вашем доме большому счастью. Ничего, Дашутка, я тут все переверну, если переедем. Что тут у вас на отшибе за жизнь? Другие девочки в твоём возрасте только и знают в куклы играть... Я вас на главную усадьбу перетащу — помяни мое слово.

Тихо в доме. Так тихо, что слышно, как гудят трансформаторы под ясной луной. И в окна бьет луна сквозь тюлевые шторы. Папа взял раскладушку и ушел спать в дежурку, давно уже Николка угомонился, а тетя Фая с мамой все шепчутся в спальне, и Даша угрелась возле них под теплым верблюжьим одеялом. Снится или не снится Даше — горит костер в степи, а вокруг него студенты пляшут, поют... Вот вышел к костру из темноты долго-вязый парень. В выцветшей гимнастерке, в пыльных сапогах. Сел на траву, обхватил колени громадными, как лопаты, ручищами, смотрит на огонь и молчит. Подошла к парню девушка, боевая, веселая, потянула его в круг танцевать.

— Как тебя зовут?

— Павел.

— А я — Наташа. Ты местный?

— И да и нет...

— Как это, и да и нет? Где ты живешь?

— А мои хоромы в чистом поле, небом крыты, ветром огорожены.

...Видится Даше закат в степи. Солнце уже коснулось земли, расплющилось и стало похоже на червонную юрту. Пламенеет ковыль на взгорках и темные мачты-исполины шагают вдоль дороги, а рядом с ними идут двое: большеглазая курносая девушка с задорной челкой и высокий парень в выцветшей гимнастерке.

— Долго еще идти к твоим хоромам?

— А мы уже пришли...

Гудят на Сурочьем холме трансформаторы, а рядом — дом не дом, одни кирпичные стены без крыши, без окон, без дверей...

— Ты спишь, дочка? — слышит Даша откуда-то издаleка мамин голос. — Надо бы ее в кровать перенести...

— Лежи, не тревожься, — успокаивает тетя Фая, — спи и ладно. Ты рассказывай, рассказывай...

— И вот взялись мы, Фаечка, всем отрядом за эту стройку. Крышу покрыли, окна вставили, дверь навесили...

— А на крыше ССО написали, — сонно бормочет Даша. — Студенческий стройотряд... Я сплю, сплю, мамочка...

— Ну, хитрая девчонка... И вот, представляешь, Фая, кто-то из наших возьми и пошути: «Теперь сюда хозяйку надо». А Павлик, уныло так: «Да кто сюда пойдет, на бугор Сурочий?» Я и брякнула в шутку: «Да хоть я пошла бы...»

— Хороши шуточки, — стонет тетя Фая. — Ох, Наташка, бить тебя некому было.

— Фаечка, если б ты видела... Поезд наш отходит, а Павлик следом на мотоцикле... Мчится вровень с нашим вагоном, по кочкам, по буграм, того и гляди, голову сломит. Девчонки все на меня: «Заморочила парня, убьется, будешь знать». А тут полустанок, раздумывать некогда. Выпрыгнула я из вагона, упала, да лбом об рельс...

— Вот этот шрамик — с тех пор?

— С тех пор, Фаечка. Так вот и осталась я здесь, на подстанции. А бураны в ту первую зиму были ужас... Там изолятор лопнул, там провода оборвало. Ночь-полночь, выходим на линию, бредем по пояс в снегу. Весна пришла — изгородь надо ставить, оборудование налаживать, хоть какие-то деревья на первый случай посадить. Бывало, так заработаемся, что и ужин варить неохота. «А, ужин не нужен, был бы обед...» Сядем на крылечке. Звезды вокруг куполом до самой земли, и будто мы одни в целом мире.

А вот когда уже на свет Даша появилась... Привез Павлик меня домой с дочкой и говорит: «Наташа, ты только не пугайся, я корову купил». — «А чего мне пугаться? Где она?» — «Да вон в степи бегают, второй день поймать не могу.» Я с крыльца смотрю — далеко в степи видно: корова рыжая пасется. Павлик стал к ней подбираться, а она как взбрыкнет от него галопом... Кое-как поймал, на рога веревку надел — приводит домой. А доить-то ни он, ни я не умеем... Хлебнули мы горя на первых порах, оба к хозяйству непривычные, а помочь некому. Спасибо, свекровушка вскоре приехала и давай нас костерить: «Пустодомы, безалаберные, все у вас широкопыткой. Как вы до сих пор еще дите не уморили. Проси, Павлушка, трактор в совхозе — паши огород! Сарай для коровы строй, цыплят инкубаторских люди выписывают, а вам, что ль, не надо?» Так вот и обзавелись мы, Фаечка, всем этим хозяйством...

Тетя Фая неожиданно всхлипывает:

— Наташа, Наташенька, бедная моя сестричка... Если б ты один только лоб себе разбила...

— А что еще? — с любопытством спрашивает Даша.

— Ну вот, все тебе надо, — сердится мать. — Чу, петух уже кричит. Сейчас же топай в свою кровать.

Приходится подчиниться. Краем уха Даша еще слышит тети Фаины причитания: «Молчун, бука — ему только на отшибе и жить, а ты-то совсем другая...»

Даша закрывает глаза, и когда вновь открывает — на дворе уже светит не луна, а солнце.

Продолжение следует



МАЛЯР

Николай ЕГОРОВ

Был полдень свежестью пронизан,
Когда я в люльке подвесной
Работал кистью под карнизом
И разговаривал с весной.
Она шутя качнула люльку:
— Ты не засматривайся, крась!
И, бросив мне в ведро сосульку,
Веселым смехом залилась.

Рисунок Ю. Устиновой

ТЫНДА—БАМ—БЕРКАКИТ

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА ХУДОЖНИКА

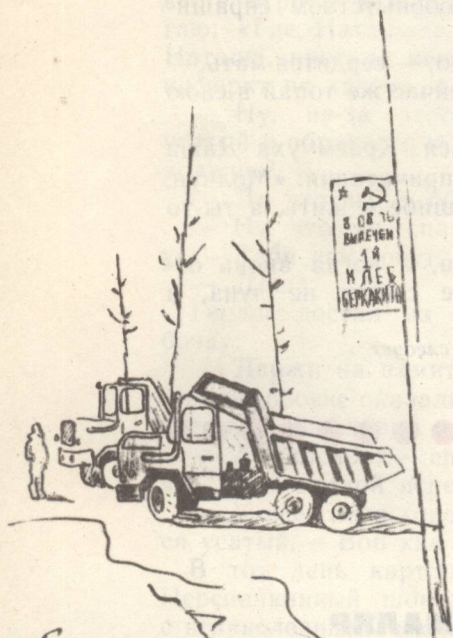
Георгий КОВЕНЧУК



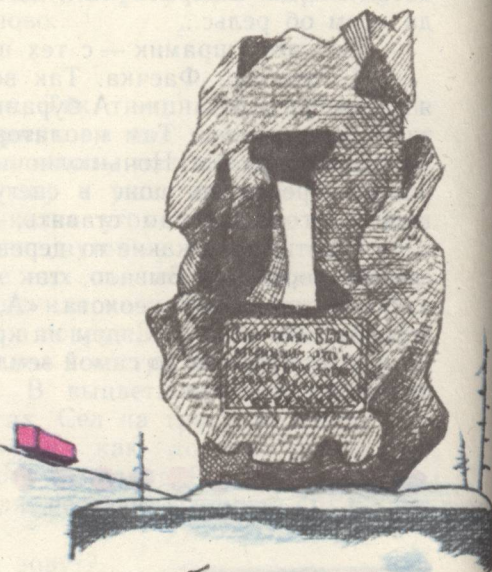
Посёлок Беркамит НЕОЖИДАННЫЙ БЕРКАКИТ

Начинало смеркаться, когда мы въезжали в Беркамит. Если бы мне в кино или на фотографии показали этот Беркамит и спросили, что это такое, я не задумываясь бы ответил: это курортный городок где-нибудь в Прибалтике или на Карпатах. Я ожидал, что Беркамит — это прежде всего уголь, а тут — настоящий парк.

Улочка. Длинный одноэтажный универмаг. Стены отделаны просмоленной вагонкой, светятся витрины со всякими товарами. Молодежь в спортивных костюмах. Откуда-то доносится музыка. Стенды с объявлениями о танцах и концертах. Не видно ни одного грузовика. Курорт, да и только. Посмотрим, что будет завтра.



Беркамит, на улице Поселковой



Памятник строителям БАМа на станции Беркамит

СТАНЦИЯ

Широкая улица Поселковая упирается в железнодорожную насыпь. Движение по этой

Окончание.
См. «Костер» № 3, 1979 г.



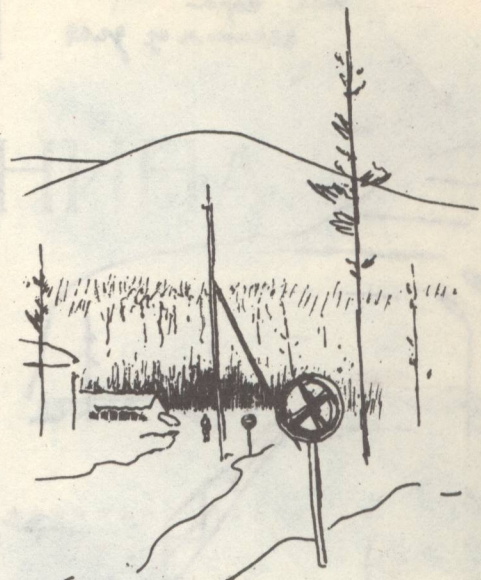
Временная станция в Беркаките



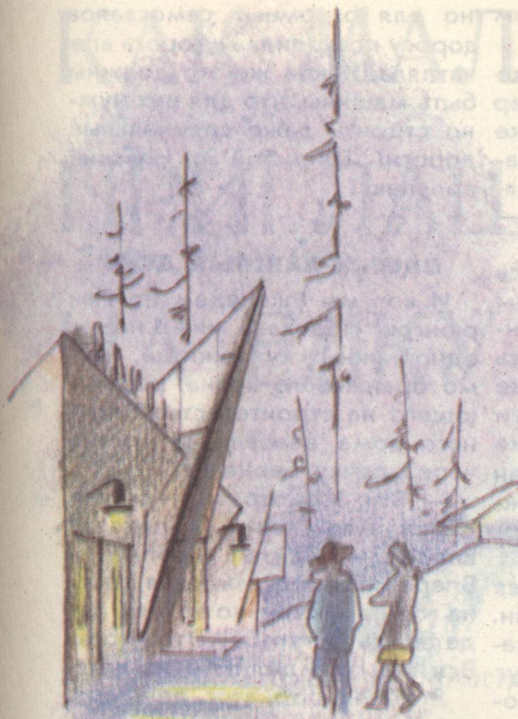
улице одностороннее. Вдоль улицы столбы с осветительными фонарями, на столбах фанерные планшеты, на них написано о достижениях беркамитцев. На одном прочитал: «8.08.76 выпечен первый хлеб Беркакита».

Иду по рельсам по направлению к станции. На путях состав с бетонными конструкциями, теперь я уже знаю, что он из Новокузнецка. На откосе длинные голубые тени от вагонов. Около станции памятник — огромная черная глыба на постаменте. В середине глыбы сквозной проем, как будто ее проткнули громадным рельсом, под проемом доска с надписью:

СТРОИТЕЛЯМ БАМА,
ОТКРЫВШИМ ПУТЬ
К НЕСЧЕТНЫМ
БОГАТСТВАМ ЯКУТИИ.
ОКТЯБРЬ 1977 г.
БЕРКАКИТ.



Беркакит ведёт к железной дороге



Малыш в Беркаките

УГОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Ну а самое главное, для чего, собственно, все это строится, для чего сюда съехались со всех концов страны люди, для чего работает так много самых разных предприятий в нашей стране, — это уголь. Или, говоря языком специалиста, — Нерюнгринский угольный разрез.

ДОРОГА

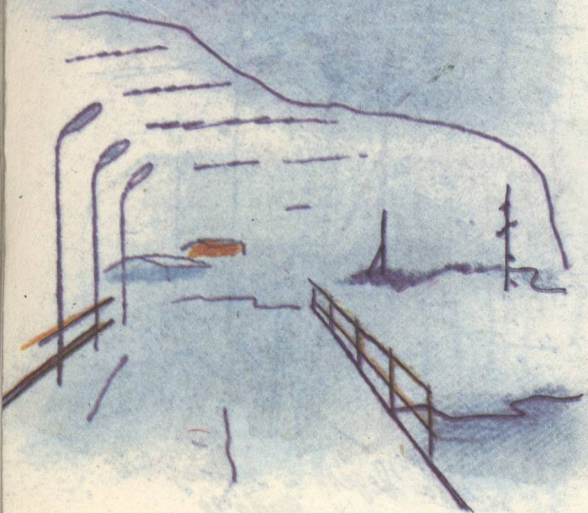
Путь на Нерюнгри проходит сквозь редкую, невзрачную тайгу. Временами дорога стоит перед нами почти вертикальной стеной, временами убегает вниз и просматривается далеко вперед.

— Вот слева скоро будут укладывать рельсы к Нерюнгри, — говорит Юрий Алексеевич.

На склоне заснеженной сопки едва виден уступ и несколько темных фигурок на нем. Собственно, если бы там не было этих фигурок, то уступа и не заметишь. Сквозь ветровое стекло сильно печет солн-



Эта гора
целиком из угля



Нерюнгри

це, прямо как летом, причем где-нибудь на юге.

— Да, солнце тут здорово припекает, — говорит шофер Игорь. — Видите, у меня даже стекло из-за этого лопнуло. Накалилось, потом пустил ледяную струю, сразу р-раз — и трещина.

По пути нам встречались мощные «КраЗы» с углем. Чем ближе приближались к Нерюнгри, тем чернее становилась от угольной пыли дорога. Даже весь снег по сторонам дороги был черным. Я сначала даже подумал, что это насыпан уголь. Странно видеть снежные сугробы совершенно черного цвета.

Впереди за лесом показался оранжевый подъемный кран. «А это уже Нерюнгри», — сказал Юрий Алексеевич. Вдруг узкое шоссе сменилось широкой трассой. «Вот видите, — сказал Игорь, — это специаль-

но для огромных самосвалов дорогу построили». Дорога впечатляла. Какие же это должны быть машины, что для них нужно строить даже специальные дороги? Шириной с Невский проспект!

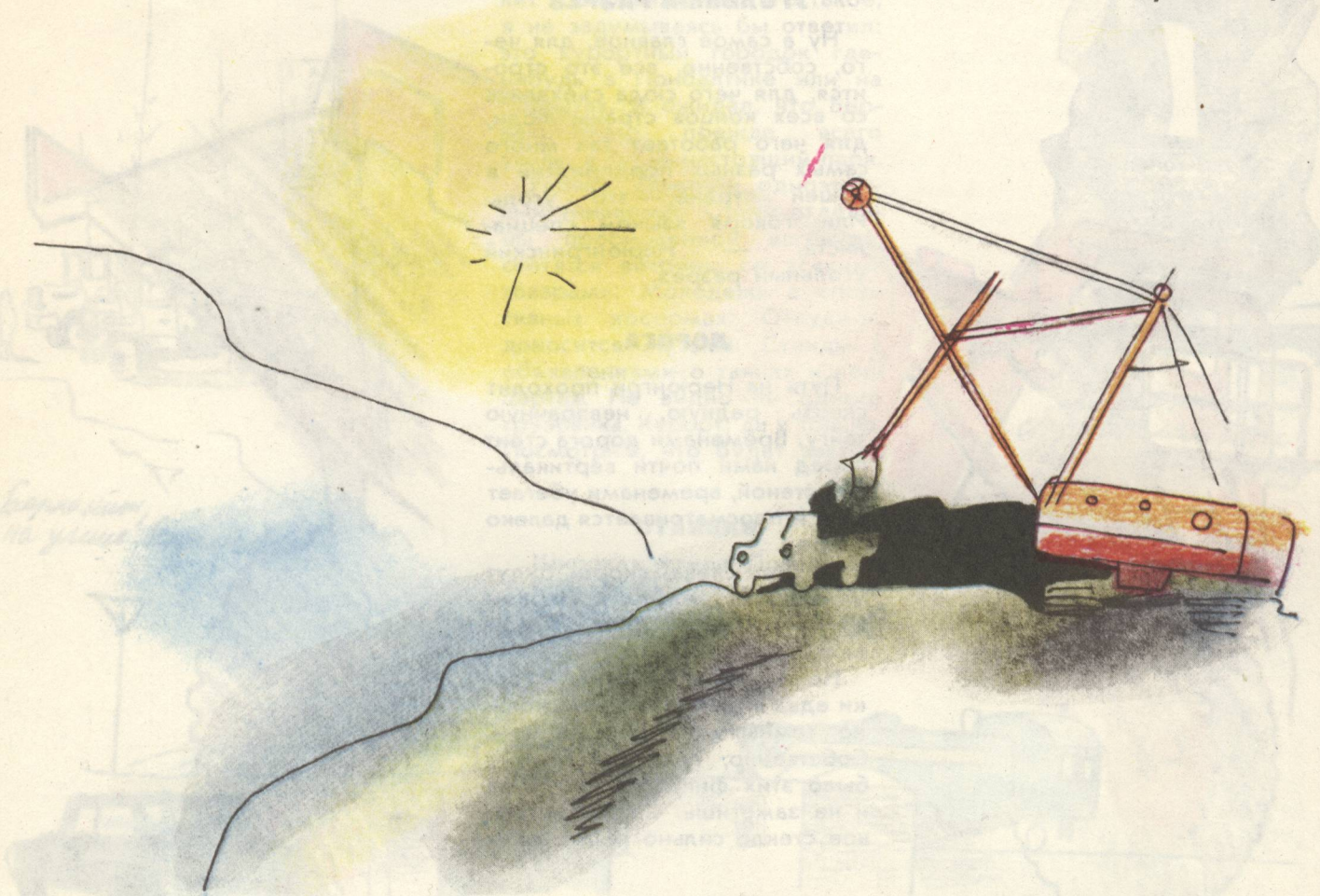
САМЫЙ ВАЖНЫЙ ДЕНЬ

И вот мы уже едем по Нерюнгри. Проехали мимо новых одноэтажных общежитий, мимо оранжевого крана, работающего на строительстве блочного дома, въехали на мостик через речку Беркамит.

— Вот смотрите, — сказал Юрий Алексеевич и показал вперед. — Видите сопку? — Впереди белела высокая гора, на горе в несколько этажей выделялись уступы. — Это уголь. Вся эта гора целиком из угля.

Я понял, что этот день для меня самый важный за всю поездку.

Рисунки автора



В одном из карьеров Нерюнгри

Виденная станция в Беркамите

КАК МАЛЬЧИШКИ ПРИГЛАШАЛИ ЛЕНИНА НА ЕЛКУ

РАССКАЗ

Олег ОРЛОВ



Однажды в редакцию «Костра» пришел мальчик и сказал:

— Здравствуйте. Я хочу стать вашим юнкором.

— Напиши что-нибудь интересное, — сказал редактор. — Хорошо напишешь — напечатаем...

— У меня папа моряк... Можно про моряков?

Мальчик, его звали Вадим, ушел, а через некоторое время принес небольшой очерк о команде тральщика. Этот тральщик в войну спас от мины пассажирский пароход. Очерк напечатали в «Морской газете».

Через несколько месяцев Вадим снова пришел в редакцию.

— Я разыскал старого моряка, который, когда еще был мальчишкой, видел Ленина...

— Это интересно, — сказали мы ему, — только запиши все точно, что расскажет тебе старый моряк.

И вот что Вадим записал:

«КАК МАЛЬЧИШКИ ПРИГЛАШАЛИ ЛЕНИНА.

...Было это в конце 1918 года в Москве. Мне шел четырнадцатый год. Жил я тогда с отцом в Сокольниках.

Узнали мы, что в лесную школу на Лучевой просеке, которая была совсем неподалеку от нашего дома, приезжает по вечерам Владимир Ильич Ленин. Дело в том, что жена его, Надежда Константиновна Крупская, была в то время нездоровая и отдыхала в лесной школе.

Это сейчас на месте старых Сокольников — шумные современные кварталы. А тогда Сокольники были окраиной, и шумели там высокие сосны. Настоящий лес стоял там, где нынче станция метро... В Сокольники, к невысокому дому № 21 в большом черном автомобиле и приезжал Владимир Ильич.

И решили мы, мальчишки, пригласить Ленина на елку.

В тот вечер Владимир Ильич приехал очень усталый, да еще долго разговаривал с каким-то крестьянином о деревенских, наверное, делах. Так что нам встревать в разговор было неудобно.

Потом Владимир Ильич обратил внимание на нас и спросил, не его ли мы ждем... Он каждому из нас, как взрослому, пожал руку и полюбопытствовал: что мы хотим?

Когда Ленин узнал, что мы приглашаем его на елку, он подумал и сказал, что попытается выполнить нашу просьбу... Но Владимир Ильич не смог прийти...»

Прочитали мы этот рассказ и задумались...

Конечно, все, что касается Владимира Ильича Ленина, важно, и даже самая малость из его жизни интересна... Но в рассказе чего-то не хватало... Если бы узнать, почему Владимир Ильич не смог прийти...

— Понимаешь, — сказали мы Вадиму, — ребята его пригласили, и он обещал. Ленин был человек обязательный и всегда выполнял обещания. А тут — не пришел. Значит — не мог. Почему? Поговори со старым моряком, может быть, он еще что-нибудь припомнит.

Вадим ушел, а позднее позвонил в редакцию и сказал, что он с моряком встретился, но тот ничего к рассказу добавить не мог...

И вот то ли от огорчения, что он не смог довести дело до конца и все что нужно узнать, то ли по другим каким причинам, но больше мы Вадима в редакции не видели. А может быть, с родителями в другой город жить переехал? Только немного грустно нам становилось, когда мы Вадима вспоминали... Хороший мальчишка...

Но несколько лет прошло, и все это как-то забылось.

И вот однажды приходит в редакцию молодой человек, в руках держит бумаги, свернутые трубочкой.

— Здравствуйте! Вы, — говорит, — меня не

узнаете? Я — Вадим. Помните, заметки в «Морскую газету» писал? А сейчас я уже учусь в институте...

— А это что? — спросили мы у него. — Новый очерк?

— Как вам сказать... — отвечает он. — Помните вы тот рассказ про Ленина?

— Конечно... Как Ленин не смог приехать к ребятам...

— Вы еще сказали: «Самое интересное — узнать, почему не смог?» Так вот, я все эти годы пытался узнать, почему же не приехал? С разными знающими людьми говорил, много

книг прочитал и теперь знаю точно: Ленин действительно не мог в тот день поехать к ребятам. А почему — написано в этой моей рукописи.

И Вадим положил на редакционный стол несколько исписанных страничек.

«День 31 декабря 1918 года у Владимира Ильича начался рано, потому что дел было много. Для всей страны это было трудное и суровое время. Республика Советов сражалась в кольце фронтов. Не было хлеба — голодали люди, не было угля — стояли паровозы. С юга шел Деникин, с севера — англичане-



Рисунок
народного
художника СССР
Н. Н. Жукова

интервенты, с востока — Колчак, на Украине — немцы.

Может быть, это был самый трудный год в истории молодого Советского государства. А Ленин должен был думать обо всем...

В то утро на столе его ждали письма и телеграммы. Их было много, и нужно было, прочитав, решать, что сделать? И ответить на них.

Письма и телеграммы были разные. Железнодорожники города Воронежа жаловались, что у них зарплата почему-то меньше, чем у железнодорожников Москвы... Просили разобратся.

В Суздальском районе у кого-то незаконно реквизировали хлеб.

Реввоенсовет Республики телеграфировал о нехватке медикаментов на Южном фронте.

А спичечной фабрике «Сфинкс» требовались деньги «на содержание и действие».

На всех бумагах Владимир Ильич писал: «Отвечено 31.XII», или — «В архив», или — «На повестку дня в Совет Народных Комиссаров...» А что касается спичечной фабрики «Сфинкс», то Ленин подписал постановление — ассигновать два миллиона восемьсот восемьдесят шесть тысяч рублей... И не подумайте, что это не было важным, — обыкновенные спички! И в спичках тоже была нужда! Порой одну спичку на четыре части расщепляли и зажигали четыре раза.

Потом Ленину принесли из библиотеки книгу, которую ему было необходимо срочно прочитать. И хоть книга была не толстая и Ленин умел читать быстро — сразу по нескольку слов и даже строчек, — ему понадобилось время. На многих страницах он оставил пометки.

Закончив читать, он написал секретарю записку с просьбой перепечатать помеченные им места, а книгу вернуть...

Потом Ленин принимал людей с разными просьбами и неотложными делами. И все это ему нужно было решать быстро, сегодня же, тотчас...

Потом Ленин попросил секретаря, чтобы его не беспокоили, и сел писать статью для газеты «Правда».

Совсем близко к полуночи Ленин почувствовал, как сильно он устал за этот день. А ведь он еще не совсем оправился от раны: несколько месяцев назад на заводе Михельсона в него стреляли враги...

Часы в кабинете пробили одиннадцать ударов. Еще немного — и наступит Новый год.

Ленин встал из-за стола и подошел к окну. Это был его короткий отдых.

За окном мигала редкими огнями предновогодняя Москва. На краю города, в Сокольниках, собирались к елке мальчишки... Конечно, он помнил и о них, но срочных дел оставалось еще немало, их нельзя было откладывать на завтра, на Новый, 1919 год. Все эти дела обязательно надо сделать сегодня...

Ленин умел отдыхать быстро. Уже через несколько минут он снова сидел за письменным столом и работал.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ОКТЯБРЬ

С Октября биографию пишем.
Мы в семнадцатом рождены.
С революцией мир услышал
О рождении новой страны.
Каждый шаг нас успешный радовал!
С каждым днем становясь уверенней,
Открывая планету заново,
Мы шагали по компасу Ленина.

Мы богаты полями росными,
Мы гордимся трассами звездными,
Твердой поступью поколений,
Побеждали годами грозными
Потому, что сияют звездами
Нам слова:

РЕВОЛЮЦИЯ,
ЛЕНИН!

*Ира Звягинцева,
7-й класс,
Донецк*

МОЯ РОССИЯ

И спелая рожь золотая,
И звонкая трель соловья,
И Волга — река голубая —
Все это отчизна моя.

И теплым дыханием лета,
И свежестью зимнего дня,
И прелестью вешнего цвета
Прекрасна Россия моя.

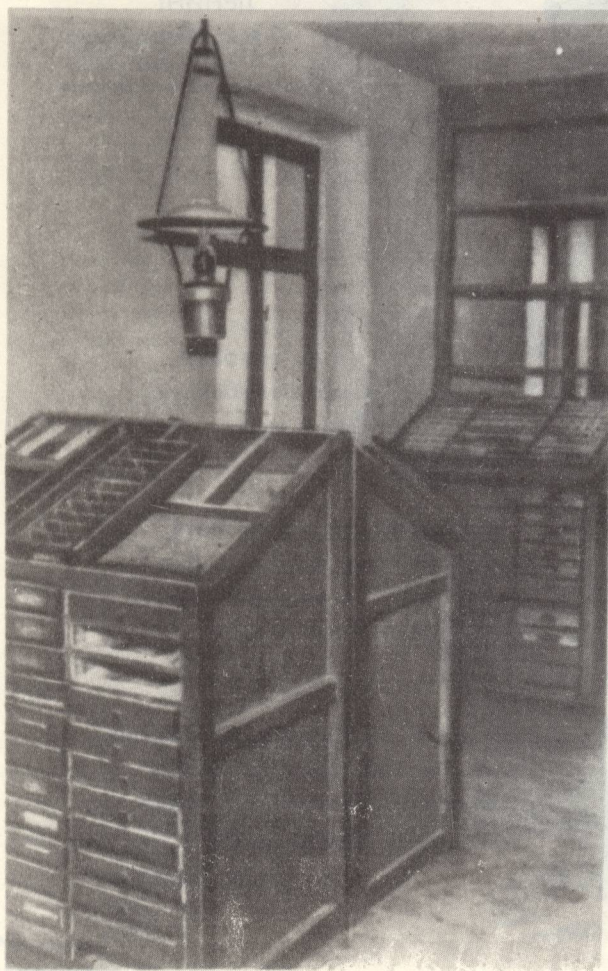
И где б ни была я, не скрою,
На юге иль там, где снега,
Ты всюду, Россия, со мною
И ты мне всегда дорога.

*Эля Куклина,
4-й класс,
Горький*

„ИСКРУ“ ДОСТАВЛЯЮТ В РОССИЮ



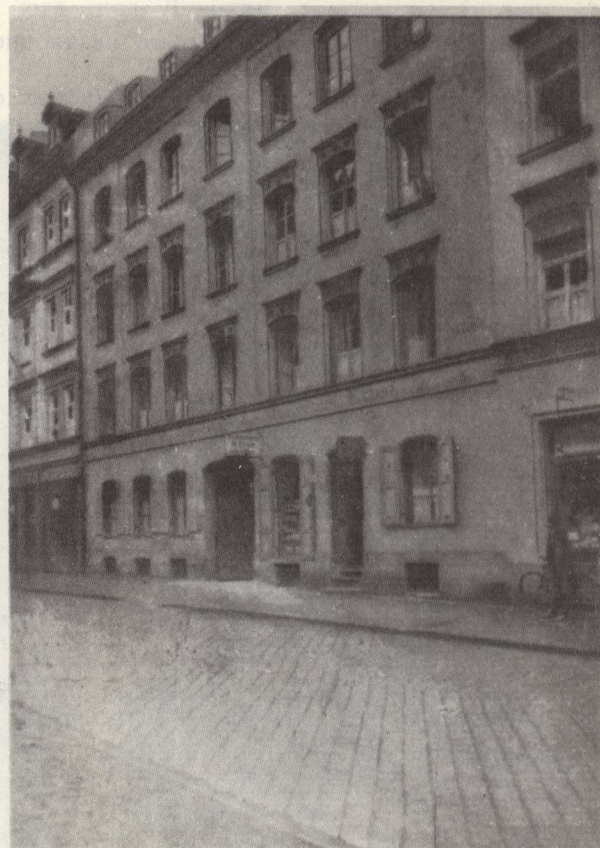
Первый номер ленинской „Искры“



Лейпциг. Типография, где был отпечатан первый номер „Искры“

Ленинская газета «Искра»... Тонкие листочки папиросной бумаги с мелким печатным текстом. Газета, которая несла российскому пролетариату слова правды...

Задумал и создал «Искру» Владимир Ильич Ленин. Потому мы и называем газету — ле-



Мюнхен. Здание типографии



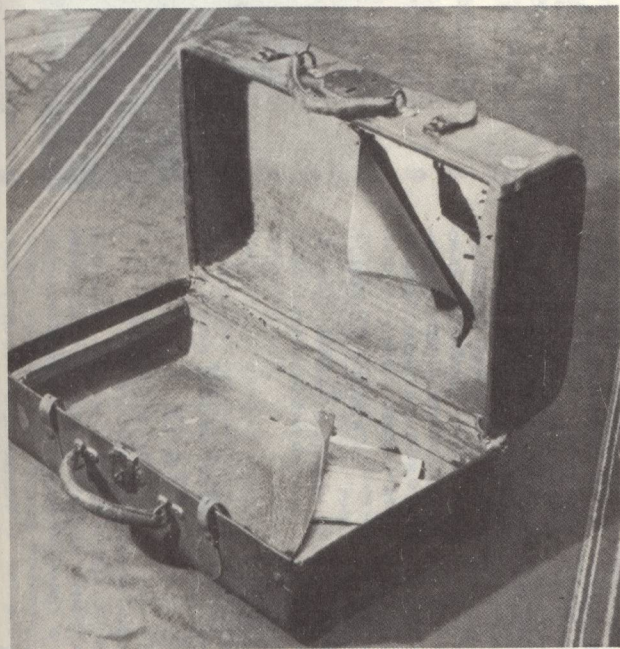
Лондон



Спрятанные в специальные жилеты, чемоданы с двойным дном, пакки газет провозились в Россию



По этой карте можно проследить пути, которыми ленинскую „Искру“ везли в Россию



нинской «Искрой». С помощью «Искры» Ленин организовал в России революционную марксистскую партию рабочего класса. Только организованный пролетариат мог бороться с царизмом...

Родилась «Искра» за границей в 1900 году. В России издавать революционную газету было бы невозможно: жандармы сразу бы уничтожили типографию.

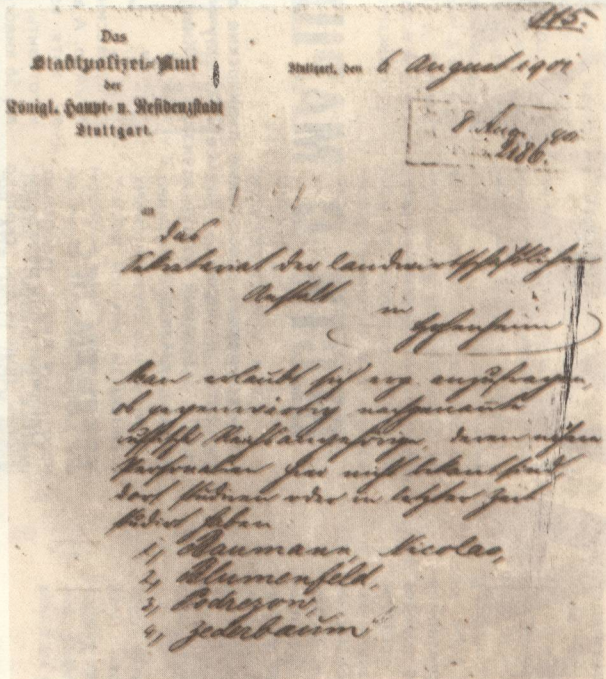
Сначала газета издавалась в Лейпциге, потом — в Мюнхене. Но и там агенты царской охраны напали на ее след... В 1902 году редакция «Искры» переехала в Лондон. А через год — в Женеву.

Но как сделать, чтобы из-за границы газета могла попасть к русским рабочим и крестьянам, к передовой интеллигенции?

Русские революционеры и их друзья за границей, порой рискуя жизнью, делали все возможное, чтобы «Искру» регулярно получали в России.

Через Нидерланды, Германию, Францию, Швейцарию, Румынию, Болгарию, Персию, Швецию шла «Искра» в Архангельск, Петербург, Москву, Ригу, Киев, Одессу, Херсон...

В поездах, прибывавших из-за границы, в каютах пароходов и трюмах парусников тайно переправлялись пакки «Искры» в Россию.



Документ полицейской слежки за членами редакции „Искры“

БАРАБАД

ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ
ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

ВЕСТИ С МАРША

Продолжаются всеозначные пионерские операции «Солидарность», «Миллион — Родине!», «БАМУ — пионерские поездки!», «Зеленый ряд отчизны», «Живи, книга!», «Зернышко», «Малышок».

БЕРЕЖЕМ ЛЕС

Однажды наши ребята пытались подсчитать, сколько же бумаги расходует школьник за свою жизнь. Точного подсчета не получилось, но стало ясно всем, что очень много бумаги!

Все знают: бумагу делают

из древесины, из березы например. А ведь жаль березку, хотя из нее и можно изготовить, как мы прочитали, 56 килограммов бумаги...

Мы приняли решение активнее собирать макулатуру. И обязательно всем отрядом.

Кто больше соберет старой бумаги — тот больше березок спасет.

Вова Музылев, например, уже собрал сорок два килограмма, а весь наш отряд — 300 килограммов. Значит, пять березок спасли.

Сергея Сафонова,
Алеша Лузина,

4-й класс, школа № 2,
Железнодорожск

ВЫРАСТУ — СТАНУ СТРОИТЕЛЕМ

Наши шефы — строители Железнодорожска — столицы Курской магнитной аномалии.

Недавно о своей работе нам рассказывал плотник Ро-



Пионеры из школы № 2 имени Юрия Гагарина из города Силламяэ Эстонской ССР побывали на родине героя-космонавта. В центре Анна Тимофеевна Гагарина.

ман Дунат, победитель конкурса мастера. Маляров он называл настоящими художниками. «Представьте себе, — говорил, — пахнет тесом, досками, смолой, а маляры по серому бетону, как художники по серому холсту, пишут красками...»

Познакомились мы и с малярами. На дружинном пионерском сборе была у нас Зоя Григорьевна Глухих — маляр, лауреат премии Ленинского комсомола.

Не только я, многие ребята говорят: «Когда вырастем — станем строителями!»

Валерий Клещев,

школа № 5,
Железнодорожск



Зоя Глухих
на своем рабочем месте

ДРУЖНЫЙ ОТРЯД

Свои дела обязательно записываем в отрядный дневник. Больше всего записей о путешествии «В страну знаний».

У каждого в отряде есть пионерское поручение. У меня — помогать отстающим по русскому языку. Проверяю домашние задания, провожу работу над ошибками после диктовки, проверенной учителем.

Моя подружка Лариса Зелничикова получила по русскому тройку, мы стали с ней заниматься русским каждый день, теперь у Ларисы — четыре.

Гульнара Маусумбаева,
5-й класс.

совхоз «Чапаевский»,
Восточно-Казахстанская
область



Наше звено шефствует над детским садиком. Приходим к малышам почитать им сказки, стихи, выступить с концертом художественной самодеятельности. На уроке труда выполняем заказы детского сада — мастирили лопатки, песочницу.

Лилия Подойникова,

председатель совета дружины
школы № 13,
Усть-Каменогорск



Мне очень понравилась книга писателя В. Астафьева «Дядя Кузя — куринный начальник». Просто и понятно написано в книге о том, как трудится человек. Писатель пишет, что труд — всему голова. Прочитайешь книгу — и вполне согласишься с писателем!

Света Матигорова,
школа № 8,
Вологда



Больше всего мне по душе книги нашего земляка писателя И. Полуянова. Я прочитала «Месяцеслов», «Засней птицей», «Дочь солдата».

Советую всем прочесть повесть о девочке Вале («Дочь солдата»). Судьба ее необычна. Совсем маленькой нашли советские солдаты эту девочку в фашистском лагере смерти. О родителех, конечно, ничего не удалось узнать, но такие отзвучившие люди старый коммунист Николай Иванович и его жена Екатерина Кузьминична, что Варя не чувствует себя сиротой. В книге рассказано, как эти люди приютили девочку, заменили ей родителей.

Варя умеет дружить, хотя чаще всего ей приходится нелегко. Ведь она горожанка, а пришлось ей жить и трудиться в глухом селе... Все, кто прочтет книжку, по-моему, захотят быть похожими на Варю.

Оля Ломова,
школа № 3,
Вологда

Корреспондент «Барабана» художник Георгий Козенчук побывал в гостях у пионеров школы № 2 города Тынды. Ребята рассказали о своей дружбе со строителями Байкало-Амурской магистрали, подарили гостю фотографию, где они сняты вместе со строителями.

Рассказывают пионеры тындинской школы.



мне дали адрес. Когда я пришла к незнакомой девочке, то была уверена, что придет ответ.

Как же я радовалась, когда получила письмо от Снежаны, своей болгарской ровесницы. Теперь мы часто пишем друг другу, общим тем очень много: подробно рассказываем о своих городах, я — о Тынде, Снежана — о Софии, об учебе, о школьных новостях.

Уверена, что когда-нибудь мы сможем встретиться со Снежаной!

Светлана Бегун,
7-й класс



Наша Тында растет и становится все красивее. Я живу здесь уже шесть лет. Когда мы с родителями приехали сюда, кругом были только деревянные дома, а за ними — болото.

Спасибо строителям! Сейчас в городе многоэтажные дома со всеми удобствами, возле домов зелень.

Саша Еремеев,
6-й класс

Замечательно иметь друга за рубежом. У меня недавно появилась подруга в Болгарии. На занятии Клуба интернациональной дружбы

В пионерской комнате нашей школы висит картина, где обозначена зона действия каждой тимуровской команды.

У тимуровцев такое правило — опустить в специальный ящик записку, если узнал, что кому-то нужна помощь. Вот, например, чья-то бабушка просит пойти заплатить за квартиру, за свет. Сама пойти не может, заболела. Или молодые родители студенты просят посетить с малышом: заняты в институте.

Однажды к нам обратился ветеран войны с просьбой помочь разыскать однополчанина. Данных о фронтовом друге было мало: ведь оба они пошли воевать семнадцать лет. Нам очень захотелось помочь человеку. Алеша Кориненко и другие ребята из шестого «в» взяли за поиск. И — представьте себе — нашли этого участника войны: им оказался начальник отделения милиции на станции Зашита. Теперь оба ветерана — наши друзья.

Лена Воробьева,
редактор газеты «Пионерский фонарик»,
школа № 3,
Усть-Каменогорск



РАЗГОВОРЫ С ДИМОЙ

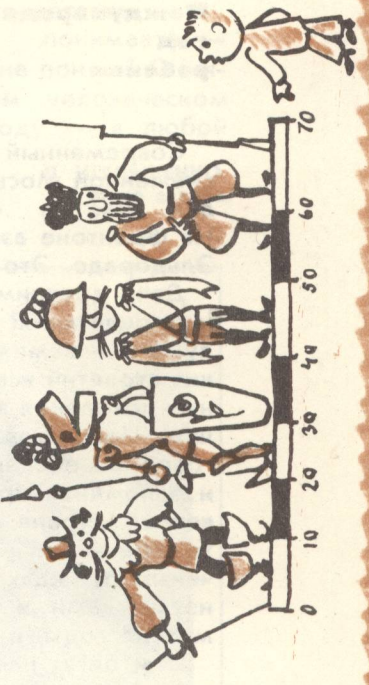
— Не подходи к лошади!
— Знаю, знаю: мальчик дергал лошадей за хвост, она ударила его копытом, и он заболел скарлатиной!

— Дима, твой дедушка придет не по тропинке, а по большой дороге. Смотри туда.
— И когда он только появится, этот дедушка с большой до- рожки?

Прислала Галя С—ва,
деревня Ерзовка
Новгородской области

— Мама, что такое масштаб?
— Масштаб — это...
— Я уже вспомнил: где все военные собираются.

Марина Демьяновская,
поселок Песочный
Ленинградской области



Современный авиалайнер из мартовской заснеженной Москвы менее чем за сутки доставил нас в столицу Колумбии — Боготу. На фронтоне аэропорта взметнулось слово — Эльдorado. Это значит — золотая страна!

Дань древним легендам? Символ богатства и процветания? Или причуды рекламы?.. Колумбия — земля, которую в течение нескольких столетий искали и «открывали» бесчисленные поколения завоевателей и «искателей удачи». Цель была одна — золото. Когда-то в голодном послевоенном детстве я тоже читала и запомнила красивую легенду о необыкновенной стране Эльдorado, где — представьте себе — мальчишки бегают на улицах в золоченых одеждах, а вместо камушков играют изумрудами и сапфирами. И вот я, спустя многие годы, в стране Эльдorado.

Они бегут нам навстречу — звонкие, вихрастые, черноглазые мальчишки. У них веселые приветливые лица, теплые добрые руки.

— Пусть всегда будет солнце! — старательно выговаривая мудреные русские слова, кричат они нам.

— Доб-рый день!

— Мос-ква!

— Пи-о-нер!

— Артек!

Видя наше волнение, мальчишки и девочки в красных галстуках щедро сыпят русскими словами.

— Кто научил вас, ребята?

— Я, Альваро. — Вперед шагнул и быстро прижался горячей смуглой щекой к моей щеке смеющийся четырнадцатилетний парнишка. — Я, — он тычет пальцем себе в грудь. — Москва, Ленинград, Артек, — повторяет по-русски и радостно смеется. И отдает нам при этом пионерский салют. Остальные дети также приветствуют нас.

...Еще в Москве, задолго до поездки, я мечтала побывать у них — пионеров Поликарпы — поселка близ Боготы. У этого поселка интересная история: в 1961 году несколько отчаявшихся от нищеты и неприкаянности семей пришли на загородный пустырь и за одну ночь из фанеры и циновок построили несколько «жилищ». Утром над ними развевались национальные флаги Колумбии.

В последующие ночи таких лачуг прибавилось: в стране много бездомных. Полиция днем разрушала жалкие домишки, пыталась силой выдворить семьи бедняков, но они по ночам восстанавливали разрушенное. Поселок разрастался. У него появилось имя — Поликарпа. Имя женщины, которая погибла, защищая родину от испанских завоевателей...

Власти для надзора поставили в Поликарпе казарму — полицейский участок. Но однажды



Пионеры
поселка
Поликарпы

утром, явившись на службу, стражи порядка увидели на казарме большую яркую табличку — «Школа». Они попытались ворваться внутрь. Но дети, их матери и учительница забаррикадировали дверь. Тогда полицейские стали... стрелять в окна.

— Вот здесь, — двенадцатилетний мальчик Нестор обводит рукой небольшой класс с самодельными партами, — погубило несколько детей. Это были первые пионеры Колумбии. Мы помним их, отмечая день героической гибели, бережем школу, которую они отстаивали для нас.

Пионеры поднимаются и торжественно поют песню. «Если мы идем вместе, то дорога недлинна. Если мы идем вместе, то мы порвем цепи и победим своих неприятелей. Когда мы победим, то вместо тюрем сделаем школы...»

Долгим, то грустным, то веселым, был наш разговор с колумбийскими пионерами. Каж-



Богота.
Сразу за городом начинаются лачуги

дый из них говорил о Москве и Артеке так, будто сам побывал там. Альваро счастливо поглядывает на нас: это от него узнают о советской стране его товарищи.

На прощанье пионеры дарят нам красные галстуки. В одном углу изображен веселый человечек, стоящий на макушке земного шара. На его вихрастой голове — голубь мира, в руке

маленький воздушный шарик — солнышко — символ беззаботного светлого детства.

— Это наша эмблема, понимаете? — спрашивает Нестор. Чего же не понять? О мире над головой, о простом человеческом счастье мечтают дети повсюду — в любой точке земного шара.

Л. ШУЛЬЖЕНКО
Фото автора

МЫ СМОТРИМ



МИР

Наш фотограф приплыл на корабле в Англию. Корабль должен был войти в порт. Но что такое? Корабль остановился и бросил якорь. Вокруг в море стояли на якорях другие корабли с флагами разных стран. «В чем дело?» — спросил фотограф. «А дело в том, — ответили ему, — что бастуют докеры лондонского порта... Ни один корабль не может войти: все причалы заняты неразгруженными кораблями...»

Забастовка — одно из мощных орудий в борьбе пролетариата против капиталистов за свои права. В капиталистических странах каждый ребенок понимает ее значение. Шахтеры требуют облегчить труд и сделать его безопасным, телефонистки требуют увеличить зарплату, продавцы — сократить продолжительность рабочей недели. Бастуют железнодорожники, служащие авиакомпании, моряки, учителя.

Бывает, что забастовщики добиваются выполнения своих тре-

бований, некоторого улучшения своей жизни, а чаще — нет. Не всегда забастовки проходят мирно, случается, что гремят выстрелы полицейских, применя-

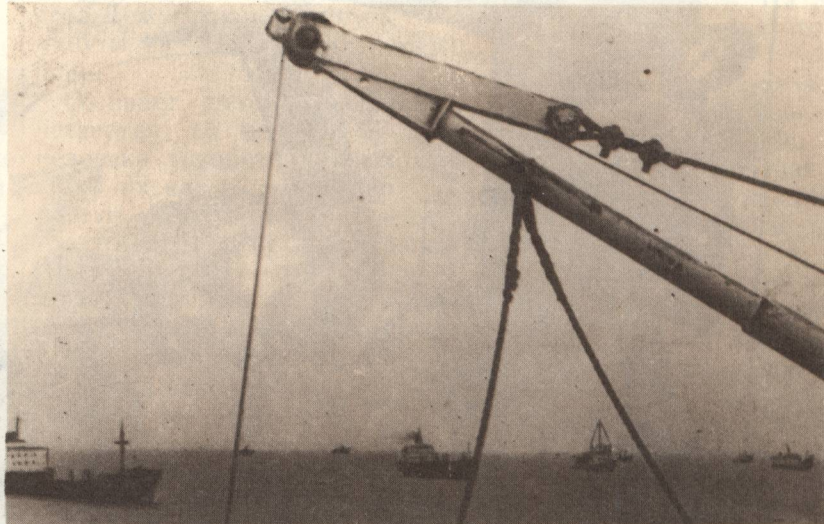
ется слезоточивый газ, льется на мостовую кровь...

Но все равно каждый новый день приносит нам сообщения о борьбе трудящихся в капитали-

стических странах за свои права...

И опять мы читаем: бастуют нефтяники... бастуют шоферы...

Фото Б. Гесселя



Корабли в море ожидают окончания забастовки докеров



Так полиция разгоняет бастующих



ПЕРВОЕ ДЕЖУРСТВО

Сергей ИВАНОВ

Рисунок И. Дяткиной

Запах. Запах дыма. Он бил в ноздри, вызывая тревогу.

Леша взлетел на третий этаж. Замер. Едкие струйки дыма выбивались на лестничную площадку.

Руки у Леша дрожали. Никак не мог попасть в замок. Потом что-то заело. Пришлось долго вертеть ключом вправо-влево.

Дернул. Раз! Другой! И дверь

открылась. В лицо ударило горячим воздухом. Дым неторопливо потек на лестницу. Видно было плохо. Щипало глаза. Навертывались слезы.

— Петька, где ты?

Ни звука в ответ. Что-то потрескивает.

Ах Петька, Петька, чертов братишка! Пятый год мужику, а ума — ни на грош! Вбежал в комнату. Огонь был на столе,

на серванте. Горели шторы. Тлел ковер, быстрые искры бегали по нему. Но где же Петька? Леша оглянулся.

Братишка сидел за шкафом. Видно, испугался огня и спрятался. Глупыш!

Леша схватил его на руки, вынес на лестничную площадку и посадил к стене.

Теперь — тушить! Не то весь дом сгорит!

Он позвонил в соседнюю квартиру и, не дожидаясь пока откроют, нырнул обратно в дым.

Леша побежал на кухню. Схватил чайник. Единным махом выплеснул воду на стол. Пламя зашипело и погасло.

Леша вырвал покрывало из шкафа и стал бить по серванту. Огонь увертывался и тут же показывался снова — будто дразнил.

На руках вздулись пузыри, кожа покраснела. Но боль от ожогов почему-то не замечалась.

Голова закружилась. Уже падая, Леша увидел, как в комнату вбегают люди...

Подстанция «Скорой помощи» с улицы не видна. Нужно завернуть за ограду, пройти вдоль шеренги машин — тогда и откроется старинный двухэтажный домик. Наверное, раньше в нем жили степенные благодушные люди. Они медленно двигались, медленно разговаривали, неторопливо пили чай по вечерам и рано ложились в постель.

Нынешние обитатели домика не такие. В их точных жестах, кратких разговорах — что-то по-военному строгое. Они — как бойцы, они всегда на посту.

И это не просто слова. Так и есть на самом деле.

Вот мир здоровых людей — веселый, деловитый. Вот мир заболевших — тревожный, опечаленный. А на границе между ними — «Скорая помощь» и ее «солдаты»...

У Ирины Петровны Никольской, молодого врача, сегодня первое дежурство. Она медленно идет из комнаты в комнату. Разглядывает. Запоминает.

На первом этаже — диспетчерская служба. Вызовы принимают три человека. Возле каждой дежурной телефонные аппараты и микрофон. Чуть подалее палата. Здесь можно оказать медицинскую помощь, можно наблюдать за больным.

Тут же, в маленькой комнате, наборы инструментов и лекарств. Они в одинаковых ящичках, только под разными цифрами. Медики знают, какой набор брать при выезде к сер-

дечному больному, какой — при травме или отравлении.

На втором этаже — «клуб интересных встреч». Стулья, кресла, телевизор. Веселая стенгазета. Комната отдыха дежурных бригад. Здесь всегдалюдно. Сидят врачи и фельдшера. Смотрят на экран. Вполголоса перебрасываются репликами. Никакой расслабленности. Дежурство от минуты до минуты в готовности номер один.

Оживает динамик: «Триста четвертая, на выезд!» И три человека торопятся к выходу. Лица их как-то мгновенно суroveют. Полученный вызов отгораживает их от телевизора, от товарищей — от обычной жизни. Человек в опасности! Человеку плохо! Им — выручать!

Не сидится Ирине Петровне. Со всеми перезнакомилась, все обошла, все осмотрела. Скоро ли подойдет очередь ее бригады? Остановилась в диспетчерской. Тоненькая, напряженная, глаза тревожные.

Телефон затрезвонил.

— Принимаю! — Дежурная подмигнула Ирине Петровне. — Твой вызов, — быстро пишет в журнал регистрации. — Алексей Шевченко, тринадцать лет, ожоги пламенем... Адрес?.. Улица... Дом... Квартира... Вы — родственник? Сосед?.. Родители на работе?.. Принято в 20.30!

Дежурная пододвинула микрофон:

— Триста сорок шестая, на выезд!..

Дрожа, пофыркивает машина. Она будто восприняла нетерпение людей, разделяет его.

Ирина Петровна рядом с шофером. В салоне два фельдшера. Ее бригада. Густой поток автомобилей. Вечерние огни дробятся в кузовах и стеклах. Разноцветным неонам полыхают витрины. Люди, умиротворенные вечером, красивые, нарядные, идут из гостей, гуляют. На лицах улыбки — так приятно рассказать близкому о прожитом дне!

Шофер включает сирену. Машина подает свой голос. Его ни с чем не перепутаешь — в нем стон и нетерпение.

Автомобили расступаются. «Волги», «Жигули», автобусы дают дорогу машине с красным крестом.

Ирина Петровна смотрит на улицу, вдруг ставшую свободной.

Мальчик лежал на широкой двуспальной кровати. На лице застыла то ли улыбка, то ли гримаса боли.

Ирина Петровна раздела его, осмотрела кожу, тщательно выслушала сердце и легкие.

Ожоговый шок! Грозная реакция организма на невыносимую боль! Промедление — гибель для пациента!

Руки быстро отыскивали нужную ампулу, отломали кончик, приготовили шприц. Один укол, второй. Вроде чуть порозовел? Или нет? Просыпайся, Леша!

Фельдшер наложила жгут на плечо. В локтевом сгибе отчетливо проступили вены. Хорошие вены — просто радость! Легко будет попасть.

Ирина Петровна ввела иглу под кожу и сразу почувствовала, как она «провалилась». Значит, в вене! Чуть приметно надавила на поршень, и лекарство по каплям влилось в кровь.

Затем, пока фельдшер давала кислород, Ирина Петровна осторожно окутала стерильными простынями обожженные руки и ноги.

Петьку, младшего братишку, она тоже послушала. С ним был полный порядок: отдышался, пришел в себя, целехонек!

А Лешу на носилках понесли к машине. Рядом шла его мама. Она так и не разделась после работы. Бледная была и молча плакала...

В приемном отделении больницы Ирина Петровна передала Лешу пожилому бородатому врачу. Дотрагиваясь до мальчика легкими руками, врач осмотрел его и негромко сказал: — Шок был глубоким... Спасибо, вы все правильно сделали...

Лешу положили на каталку и повезли по длинному коридору.

Ирина Петровна заторопилась к машине. Ведь ее ждали новые вызовы.



МОРСКАЯ ГАЗЕТА



Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 23-й

ДВА ДОКУМЕНТА



Два документа, относящиеся к истории одного старого парохода, хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

Первый — о награждении капитана парохода «Урицкий» Арсеньева именным оружием — винтовкой...

За что же наградили капитана? И что это был за пароход?

До революции — обыкновенный колесный буксир... Тянул буксир длинные плоты и пузатые баржи вниз и вверх по Двине. В 1918 году, когда английские интервенты и белогвардейцы пытались задушить революцию на севере, старый пароход мобилизовали. На него пришли красногвардейцы. Рубку буксира обложили мешками с песком и обшили толстыми досками. Машинное отделение и колеса закрыли листами броневой стали. На носу поставили пушку, на корме — пулемет.

Так превратился мирный буксир в военную канонерскую лодку.

Во многих жарких боях довелось ему участвовать. Ходил «Урицкий» и в дерзкие рейды в тыл врага и в ночные дозоры...

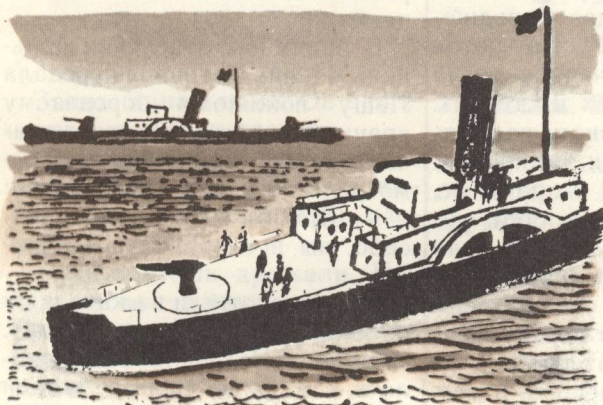
За личную храбрость в этих боях и был награжден именным оружием капитан «Урицкого» Арсеньев...

— А какой же второй документ? — спросите вы... А вот какой. И относится он к тому времени, когда «Урицкий» снова стал мирным пароходом:

«Согласно постановлению общего собрания водников... зачислить с 1 мая 1923 года тов. Ленина Владимира Ильича... в штат и списки... парохода «Урицкий» командиром с окладом жалованья по 12 разряду... Командиру парохода «Урицкий»... выписывать ежемесячно по требовательной ведомости жалованье тов. Ленину В. И.»

Вот такой документ. Оказывается, Владимир Ильич был почетным командиром «Урицкого»...

А куда же шло положенное Ленину жалованье? Его отдавали на содержание одного из детских садиков.



ЮНГА НАШЕЛСЯ

Уважаемая «Морская газета»!

Я прочитал рассказ комиссара Соловецкой школы юнг Сергея Сергеевича Шахова о юнгах, которые пытались в 1943 году бежать на фронт.

Я один из тех юнг и есть, Алексей Юденков. Третьим юнгой, чью фамилию забыл наш дорогой Сергей Сергеевич, был Ваня Воронков...

Сам я со Смоленщины. В начале войны попал в партизанский отряд, был адъютантом командира батальона. Участвовал в освобождении деревни Пиряти, где засело 170 фашистов. Тогда и был ранен в руку.

Был я за этот бой награжден орденом Красного Знамени. После госпиталя меня направили в летную школу. Но там нужно было учиться пять лет, а мне хотелось поскорее рассчитаться с фашистами. Тогда меня и моего друга Сашу Радькова направили в школу юнг на Соловки. И там мы мечтали снова попасть на фронт. И вот эта история с побегом...

А дело было так. На Заяцких островах мы собирали выброшенные морем бревна. Ведь мы все делали сами, даже строили здание школы.

Решив бежать на фронт, мы троим на шлюпке взяли курс на материк. Но проплавали всю ночь и не знали, куда плывем. А бежать мы хотели в танковую часть, так как уже хорошо знали двигатели внутреннего сгорания. Шли мы под парусом и веслами и, когда увидели землю, конечно, обрадовались, что достигли цели. Но... это оказались Соловки...

А после окончания школы юнг попал я в действующий флот. Служил на торпедных катерах на Черном море. Участвовал в освобождении Севастополя, Одессы, Константицы, Варны...

Сейчас я работаю в колхозе у себя на Смоленщине. С приветом ко всем юным морякам бывший юнга

Алексей Юденков,
Ельнинский район
Смоленской области,
деревня Широново

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ



Клубу юных моряков города Нарвы уже много лет. Ребята не только изучают теорию морского дела, но и ходят летом в дальние шлюпочные походы.

Спецкор «Морской газеты» Елена Калядина встретилась с юными моряками, и вот что они рассказали о своей жизни и делах клуба...

Волюда ПЕТРЕНКО:—Чудское озеро все время тянет к себе, и поход по нему в нашем клубе проводится каждый год. В этом походе случается много историй и приключений... Грустных и веселых.

Гриша ВИТЕНЗОН:—Почти каждый день мы приходили шпаклевать и красить шлюпки. Однажды я так здорово перемазался в краске, что, когда пришел домой, мама сказала: «Не видела, как ты покрасил шлюпки, но сам ты выкрашен так хорошо, что не знаю, чем тебя отмыть...»

Витя ВАСИЛЬЕВ:—Когда мы пошли в поход, мне пришлось вахтить в

ночной, «собачьей» вахте. Многие считают ее самой трудной. А я люблю встречать солнце и видеть, как просыпается природа и начинается новый день нашего путешествия.

Юра ГРУНЦЕВ:—Мне в походе понравился старшина шлюпки Тульженко. Правда, он часто заставлял меня драть котел, ходить за дровами, выкачивать воду из шлюпки и варить похлебку. Но я не обижался на него. Тульженко много раз ходил в походы по Чудскому озеру и умеет управлять шлюпкой. Но главное, он всегда приходит на помощь в трудную минуту.

Игорь ГЕРАСИМОВ:—К нам приезжали ребята из пионерлагеря. И капитан разрешил покатать их на шлюпках под парусом. Это он сделал по доброте душевной, а может быть, для того чтобы пофорсить перед сухопутными. Катание было предусмотрено на полтора часа. Но из-за страха гостей ограничилось 30-ю минутами...

Саша ПЕТРОВ:—После завтрака все старшины, и наш в том числе, назначили людей драть котлы, остальные пошли к палаткам собираться. Потом кто-то снял свою палатку и стал ее сворачивать. Глядя на него,

вся шлюпка сняла палатки, свернула их и вместе с вещами отнесла на свою шлюпку. Надо сказать, что шлюпки от берега стояли далеко и добираться до них нужно было по воде и осоке. Сложив все в шлюпку, ребята вернулись на берег. Тут они услышали команду: «Снимать палатки!» и стали смеяться над теми, кто их снимал... Ведь они-то уже сняли и отнесли в шлюпку! Но тут последовала команда: «Строиться с вещами и палатками!» И весь экипаж той шлюпки побежал за палатками и вещами. Когда уже все построились, они прибежали с палатками и вещами и попросили разрешения встать в строй. Капитан дал им по четыре наряда. И все смеялись над незадачливой шлюпкой...

Федя СОКОЛОВ:—Я старшиной шлюпки в походе был первый раз и тонкости вождения шлюпки под парусами сразу познал на практике. Ветер все дни был сильный, порывистый. Накренит шлюпку, положит ее на борт так, что вода журчит по планширю и банки стоят под углом в 45°. Первое время я никак не мог на соревнованиях обойти веху с одного раза, но потом сказало знание теории и помощь «старых морских волков».



ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Роскошный океанский лайнер «Куин Элизабет II» готовился уйти в плавание из английского порта Саутгемптон... Пассажиры бросали прощальные взгляды на берег. Матросы готовились поднять тяжелый трап. Но что такое! По трапу начали спускаться люди с чемоданчиками. Один за другим... Десять, тридцать, сто, двести человек... А затем по судовому радио капитан лайнера объявил: «К сожалению, рейс задерживается на неопределенный срок...»

В чем же было дело! Люди, которые спустились по



„Куин Элизабет II“

трапу, были официанты лайнера. Все 200 официантов забастовали потому, что судовладельцы отказались повысить им зарплату...



РЫБА ПРОТИВ ПОДЛОДКИ

Американская научно-исследовательская подводная лодка «Элвин» погрузилась на несколько сотен метров и застопорила моторы. Ученые включили прожектор и прильнули к иллюминаторам. Вдруг сильный удар встряхнул лодку. Внутри стала поступать вода... «Срочный подъем!» — скомандовал командир «Элвина». Лодка с трудом всплыла...

Каково же было удивление ученых, когда они увидели в борту «Элвина» меч гигантской меч-рыбы. На добрых полметра меч вонзился в борт лодки и едва не послужил причиной ее гибели...

Не правда ли, «Элвин» сам похож на морское чудовище? Возможно, это и послужило причиной нападения меч-рыбы...

БЛИЗНЕЦЫ

ПОВЕСТЬ

Эрих КЕСТНЕР
Рисунки А. Ивашенцевой

Глава десятая

Лотта лежит в кровати. Она спит. Она много спит.

— Слабость, — сказал сегодня днем доктор Штробл.

Господин дирижер сидит у кровати и задумчиво всматривается в исхудалое лицо дочери. Уже много дней он не выходит из комнаты. Дирижует его заместитель. С чердака отцу принесли постель.

Рядом звонит телефон.

Рези на цыпочках входит в комнату.

— Вызывают из Мюнхена! — шепчет она. — Вы будете говорить?

Он тихо встает, просит ее побыть у ребенка. Осторожно ступая, выходит в соседнюю комнату. Мюнхен? Кто бы это? Наверняка антрепренер фирмы Келлер и К°, ах, пусть они оставят его сейчас в покое!

Его соединяют.

— Говорит Кернер! — слышится женский голос из Мюнхена.

— Что? — краснея, спрашивает он. — Кто? Лизелотта?

— Да! — подтверждает голос издали. — Извини, что я тебе звоню. Я очень беспокоюсь за ребенка. Надеюсь, она не больна?

— В том-то и дело, — тихо говорит он. — Она больна.

— Больна! — голос в трубке звучит очень испуганно.

— Но я не понимаю, как ты... — спрашивает господин дирижер, морща лоб.

— Мы так и думали, я и... Луиза!

— Луиза? — он нервно смеется. Потом смущенно слушает. Качает головой. В волнении ерошит волосы.

Далекий женский голос торопливо сообщает все, что только можно сообщить в такой спешке.

— Разговариваете? — осведомляется телефонистка.

— Да, да, доннерветтер! — кричит дирижер. И можно себе представить, какая неразбериха у него в голове.

— Что с девочкой? — слышится озабоченный голос его бывшей жены.

— Нервная лихорадка, — отвечает он. — Кризис как будто бы позади, но слабость еще велика.

— Хороший врач?

— Ну, конечно! Государственный советник

Штробл. Он знает Луизу с пеленок. — Мужчина бестолково смеется. — Извини, это же Лотта! Конечно, он ее не знает! — Дирижер тяжело вздыхает.

А там, в Мюнхене, тяжело вздыхает женщина. Двое взрослых растеряны. Их чувства и речь парализованы.

И в это подавленное молчание врывается звонкий детский голос:

— Папочка! Мой дорогой папочка! — доносится издали. — Это Луиза! Большой-большой тебе привет! Нам ведь надо приехать в Вену!.. Правда?! И как можно скорей?..

Спасительные слова произнесены.

— Большой привет тебе, Луиззи! — воодушевленно кричит отец. — Прекрасная мысль!

— Правда? — девочка счастливо смеется.

— Когда вы сможете быть здесь? — кричит он.

Теперь снова слышен голос молодой женщины.

— Я сейчас узнаю, когда завтра идет первый поезд.

— Летите самолетом! — орет он. «Ну можно ли так орать! — укоряет он себя. — Ребенок же должен спать!»

Когда он возвращается в детскую, Рези уступает ему его законное место у кровати и хочет уйти.

— Рези! — тихонько подзывает он.

Они стоят рядом.

— Завтра приезжает моя жена.

— Ваша жена?

— Тсс! Не так громко! Моя бывшая жена! Мать Лотты!

— Лотты?

Он с улыбкой кивает головой. Откуда она может знать?

— Луиззи тоже приедет с ней!

— Что, Луиззи? Вот же лежит Луиззи!

Он качает головой.

— Нет, нет, это же ее сестренка. Они близнецы.

— Близнецы? — отношения в семье господина дирижера становились поистине непостижимы для головы этой бедной особы:

— Позаботьтесь о том, чтобы завтра была еда! Об устройстве на ночь поговорим потом.

— Боже мой! — причитает она, исчезая за дверью.

Отец смотрит на спящую девочку, осторожно, платком, снимает с ее лба капельки пота.

Так это его другая дочь! Его Лоттхен! Какая смелость и какая сила воли руководили девочкой, пока болезнь и отчаяние не сломили ее!

Окончание. См. «Костер» №№ 1, 2, 3, 1979 г.

Конечно, не от отца она унаследовала такое мужество. От кого же?

От матери?

Снова звонит телефон.

Рези просовывает голову в комнату:

— Фрейлейн Герлях!

Господин Пальфи не оборачиваясь отрицательно качает головой.

Фрау Кернер просит у доктора Бернау отпущать по «неотложным семейным обстоятельствам». Она звонит в аэропорт и заказывает на следующее утро два места в самолете. Чемодан с самым необходимым упакован.

Ночь, как она ни коротка, кажется бесконечной. Но вот и казавшаяся бесконечной ночь позади.

На следующий день, когда господин советник Штробл, сопровождаемый Пеперлем, приходит на Ротенштурмштрассе, к дому подъезжает такси.

Маленькая девочка выходит из автомобиля, и Пеперль сразу же как сумасшедший бросается к ней. Он высоко прыгает, лает, вертится волчком, скулит от восторга и снова прыгает.

— Здравствуй, Пеперль! С добрым утром, господин советник!

Господин советник так растерян, что даже забывает ответить. Он вдруг подпрыгивает, правда, не так грациозно, как его Пеперль, бросается к девочке и кричит:

— Ты что, с ума сошла! Сейчас же в постель!

Луиза и собака исчезают в подъезде дома.

Из авто выходит молодая дама.

— И когда угомонится этот ребенок! — кричит возмущенный доктор Штробл.

— Это не та девочка, о которой вы думаете, — приветливо говорит молодая дама. — Это ее сестра.

Рези открывает наружную дверь. Перед ней Пеперль с высунутым языком и девочка.

— Доброе утро, Рези! — говорит девочка и несетя с собакой в детскую.

Экономка очумело смотрит им вслед и крестится.

Затем кряхтя поднимается по ступенькам советник Штробл. Он подходит к двери с молодой женщиной, которая несет чемодан.

— Как чувствует себя Лотта? — нетерпеливо спрашивает молодая женщина.

— Мне кажется, немного лучше, — отвечает Рези. — Показать вам дорогу?

— Спасибо, я знаю! — и незнакомка исчезает в детской.

— Если вы в состоянии прийти в себя, — весело говорит доктор, — помогли бы мне снять пальто. Впрочем, предоставим все времени!

Рези вздрагивает.

— Тысячу извинений, простите, — заикаясь, произносит она.

— Сегодня я, пожалуй, напрасно поспешил со своим визитом, — деловито поясняет доктор.

— Мамочка! — шепчет Лотта. Ее широко раскрытые, сверкающие глаза устремлены на мать, как на волшебный образ сновиденья.

Молодая женщина молча гладит худенькую руку дочери. Она становится перед кроваткой на колени и осторожно берет дрожащее существо на руки.

Луиза бросает быстрый взгляд на отца, который стоит у окна. Затем она принимается за подушки Лотты, взбивает их, переворачивает, приводит в порядок простыню. Теперь она хозяйка. Впрочем, она успела этому научиться.

Господин дирижер украдкой смотрит на всех троих. На мать и ее детей. Конечно, это и его дети! И молодая мать несколько лет назад была его молодой женой! Прошедшие дни, забытые часы снова встают перед ним. Давно, давно это было...

Пеперль, как громом сраженный, лежит на полу у кровати и смотрит то на одну девочку, то на другую. И маленький блестящий кончик его носа тоже поворачивается то к одной, то к другой, будто бы и он тоже никак не может решить, что же ему делать. И эту-то симпатичную, любящую детей собаку поставить в такое положение!

Стучат.

Четверо в комнате словно пробуждаются от какого-то необычного сна. Входит господин советник. Жизнерадостный и немного шумный, как всегда. Он останавливается у постели.

— Как чувствует себя моя пациентка?

— Хорошо-о, — говорит Лотта и устало улыбается.

— Есть ли, наконец, сегодня аппетит? — гудит он.

— Если приготовит мама! — шепчет Лотта. Мать кивает и подходит к окну.

— Извини, Людвиг, что я только теперь говорю тебе здравствуй.

Дирижер пожимает ее руку.

— Я очень благодарен за то, что ты приехала!

— Ну, что ты! Это же понятно! Ребенок...

— Да-да, ребенок... — отвечает он. — И все же.

— Ты выглядишь так, точно не спишь уже много дней, — озабоченно говорит она.

— Это я наверху. Я боялся за... за девочку!

— Она скоро поправится, — уверенно говорит молодая женщина. — Я чувствую, что скоро.

У кровати шепот. Луиза склоняется к самому уху Лотты:

— Мама не знает о фрейлейн Герлях. Мы тоже не должны ей об этом говорить!

Лотта испуганно кивает.

Господин советник, разумеется, ничего не

слышит, он смотрит на градусник. Хотя, конечно, термометр разглядывают не ушами! Но даже если он что-нибудь и слышал, то он отлично понимает ситуацию и делает вид, как будто бы ничего не заметил.

— Температура почти нормальная, — говорит он. — Кризис у тебя позади! От всего сердца желаю тебе счастья, Луиза!

— Большое спасибо, господин советник, — хихикая отвечает истинная Луиза.

— Или вы это мне? — спрашивает Лотта, тихонько смеясь.

— Тоже мне, две интриганки, — ворчит доктор, — и преопасные! Даже моего Пеперля вы столько времени водили за нос! Пошли, Пеперль, брось ты этих двух дам-обманщиц.

Пеперль на прощанье виляет хвостом. Потом он трется о широкие штаны советника, который в это время объясняет господину дирижеру Пальфи:

— Мать — это лекарство, которого не достанешь в аптеке! — Тут он поворачивается к



молодой женщине. — Вы сможете пробыть здесь до тех пор, пока Луиза, ах, шут возьми, я имею в виду Лотту, не поправится?

— Конечно, смогу, господин советник, именно так я и решила поступить!

— Ну, хорошо, — произносит старый доктор. — И господину бывшему мужу придется с этим смириться.

Пальфи хочет что-то сказать.

— Оставьте, — насмешливо говорит советник. — Сердце художника, конечно, будет обливаться кровью. Столько народу в квартире! Но чуточку терпения, и скоро вы опять будете в полном одиночестве.

Доктор Штробл сегодня в ударе! Он так

резко распахивает дверь, что у Рези, которая подслушивала с другой стороны, на лбу моментально вздувается шишка. Она хватается за гудящую голову.

— Приложите чистый нож! — приказывает он, и в этом случае оставаясь только врачом. — Все пройдет. Добрый совет ничего не стоит!

На землю спустился вечер. В детской тихо. Луиза и Лотта спят.

Фрау Кернер и дирижер уже несколько минут сидят в соседней комнате. Кое о чем они поговорили, но больше молчали.

— Что ж! Мне надо идти! — И дирижер поднимается. При этом он сам себе кажется смешным.

Она провожает его до наружной двери.

Он медлит:

— Если опять станет хуже, я там, в студии.

— Не беспокойся, — уверенно говорит она. — Лучше не забудь, что тебе надо как следует выспаться!

Он кивает.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он медленно спускается по лестнице. Она тихо окликает его:

— Людвиг!

Он оборачивается.

— Ты придешь утром к завтраку?

— Приду!

Заперев дверь и накинув цепочку, она на минуту задумывается. Да, он стал старше. Он выглядит как настоящий мужчина, ее бывший муж!

Материнские заботы овладевают ею. Она отправляется охранять сон своих и его детей.

Часом позже у дома на Картнерринг из авто выходит молодая элегантная дама и вступает в переговоры с угрюмым швейцаром.

— Господин дирижер? — ворчит он. — Откуда я знаю, дома он или нет!

— В студии свет, — говорит она. — Значит, он тут! — Она сует ему в руку деньги и спешит мимо, к лестнице.

Он рассматривает ассигнацию и тащится к себе в швейцарскую.

— Ты? — спрашивает Людвиг Пальфи наверху у двери.

— Угадали! — язвительно произносит Ирена Герлях и проходит в студию. Она садится, закуривает сигарету, смотрит на мужчину и ждет.

Он молчит.

— Почему ты отказался подойти к телефону? — спрашивает она. — Ты считаешь это личным?

— Я не отказывался.

— Как же это понять?

— Я не мог говорить с тобой. Мне было страшно тяжело. Девочка была тяжело больна.

— Но теперь ей, конечно, лучше. Иначе бы ты был на Ротенштурмштрассе.

Он кивает.

— Да, ей лучше. Кроме того, там моя жена.

— Кто?

— Моя жена. Моя бывшая жена. Она приехала сегодня утром со вторым ребенком.

— Со вторым ребенком? — повторяет молодая элегантная женщина.

— Да, они близнецы. Раньше у меня была Луиза. С тех пор как кончились каникулы, — другая. И я даже ничего не заметил. Я вчера впервые об этом узнал.

Дама зло смеется:

— Тонко подстроила твоя бывшая жена!

— Она об этом узнала тоже только вчера, — нетерпеливо произносит он.

Ирена Герлях иронически кривит изящно подкрашенные губы:

— Положение действительно пикантное, не так ли? В одной квартире женщина, на которой ты уже не женат, в другой — та, на которой ты еще не женился!

Он начинает сердиться:

— Есть еще много квартир, где женщины, на которых я не женился!

— О-о! — она поднимается. — Ты, оказываешься, можешь острить!

— Извини, Ирена, у меня шалют нервы!

— Извини, Людвиг, у меня — тоже!

«Бумс!» Дверь захлопывается, фрейлейн Герлях уходит.

Господин Пальфи еще некоторое время взирает на дверь, потом поворачивается к безендорфскому роялю, листает партитуру своей детской оперы и садится, положив на пюпитр выхваченный из нее листок.

Какое-то время он играет с листа. Строгий, простой канон, в котором слышатся старинные церковные мотивы. Он меняет тональность, с дорийского лада переходит на до-бемоль, с до-бемоль на ми-мажор. И медленно, постепенно из отдельных музыкальных фраз выстраивается новая мелодия. Мелодия такая простая и трогательная, как будто бы ее исполняют две маленькие девочки с их светлыми, чистыми голосами. Где-то на летнем лугу. У прохладного горного озера, в котором отражается голубое небо. То небо, солнце которого освещает и согревает все существа, не делая различия между добрыми, злыми и равнодушными.

Глава одиннадцатая

Время, как известно, залечивает раны, оно лечит и болезни. Лотта наконец поправилась. И снова у нее косички с бантами. А у Луизы, как и прежде, длинные локоны, и она радостно потряхивает ими.

Они помогают маме и Рези. Они вместе играют в детской. Они вместе поют, когда Лотта, а то и сам папа сидит за роялем. Они навещают господина Габеле в соседней квартире. Они выводят Пеперля, когда у господина советника прием больных. Собака при-

мирлась с «двойной» Луиззи и выражала привязанность к обеим девочкам сначала в удвоенной дозе, а потом разделила свою благосклонность пополам. Нужно же уметь приспособиться.

Но иногда... иногда сестры со страхом смотрят в глаза друг другу. Что же будет?

14 октября — день рождения обеих девочек. Они сидят с родителями в детской. Горят свечечки на двух пирогах, на каждом по десяти огоньков. Подан в чашках ими самими сваренный дымящийся шоколад. Папа исполнил великолепный «Марш ко дню рождения близнецов».



Потом он поворачивается на вертящемся стуле и спрашивает:

— А почему нам не сделать для вас какой-нибудь подарок?

Лоттхен глубоко вздыхает и говорит:

— То, что мы хотим, нельзя купить!

— Что вы такое хотите? — спрашивает мама.

Теперь очередь Луизы сделать глубокий вздох. Потом она объясняет, запинаясь от волнения:

— Лотта и я, мы хотим от вас получить в день рождения... мы хотим... с сегодняшнего дня навсегда остаться вместе! — Наконец-то сказано!

Родители молчат.



— Вы могли хотя бы попробовать! — У Луизы слезы стоят в глазах. — Мы будем очень хорошо себя вести. Гораздо лучше, чем сейчас. И вообще — все у нас будет намного, намного прекраснее!

Лотта кивает:

— Это мы вам обещаем!

— Честное-пречестное слово! — торопливо добавляет Луиза.

Отец отошел от рояля.

— Не считаешь ли ты, Лизелотта, что нам надо немедленно поговорить с тобой!

— Да, Людвиг, — отвечает его бывшая жена. И они оба идут в соседнюю комнату. Дверь за собой они закрывают.

— Держать большой палец! — лихорадочно шепчет Луиза. Судорожно выставлены четыре пальца, четыре руки. Лотта беззвучно шевелит губами.

— Ты молишься? — спрашивает Луиза.

Лотта кивает.

Тут и Луиза тоже начинает медленно шевелить губами.

— Приди, господи Иисусе, будь нашим гостем и помоги нам чем можешь! — негромко произносят они.

Лотта недовольно трясет косами.

— Это не подходит, — в отчаянии шепчет

Луиза. — Но ничего другого мне не приходит на ум. Приди, господи Иисусе, будь нашим гостем и помоги...

— Будем с тобой до конца откровенны, — говорит в это время рядом, уставившись в пол, господин Пальфи, — ведь для детей несомненно лучше не разлучаться.

— Определенно, не надо бы отрывать их друг от друга, — произносит молодая женщина.

Он все еще продолжает смотреть на пол.

— Нам нужно еще многое для них сделать. — Он откашливается. — Итак, я согласен, чтобы ты забрала обоих детей к себе в Мюнхен.

Она хватается за сердце.

— Возможно, — продолжает он, — ты согласишься, чтобы четыре недели в году они жили у меня? — Она ничего не отвечает и он говорит: — Или три недели? Или хотя бы две? Ты можешь и не верить мне, но ведь я очень люблю обеих.

— Почему же я должна тебе не верить? — слышит он в ответ.

Он пожимает плечами:

— У тебя так много для этого оснований.

— Что ты! — говорит она. — Ведь мы забо-

тимся об их счастье, неужели ты думаешь, что они будут счастливы, если вырастут без отца? — Но без тебя их счастье и совсем невысказано!

— Ах, Людвиг, или ты до сих пор не видишь, чем озабочены дети, они только не решаются прямо это сказать?

— Конечно, я вижу! — Он идет к окну. — Конечно, я знаю, чего они хотят! — Он нетерпеливо дергает оконную занавеску. — Они хотят, чтобы и мы с тобой тоже были вместе!

— Наши дети, они хотят, чтобы у них были отец и мать! Разве это так уж много? — осторожно спрашивает молодая женщина.

— Нет! Но бывает, что и умеренное желание невыполнимо!

Он стоит у окна, как мальчишка, которого поставили в угол и который из гордости не хочет покинуть его.

— Почему невыполнимо?

Внезапно он поворачивается:

— Ты спрашиваешь у меня? После всего, что было?

Она серьезно смотрит на него, чуть заметно кивает. Потом говорит:

— Да! После всего, что прошло!

Луиза стоит у двери, прижав глаз к замочной скважине. Лотта стоит рядом, два ее кулачка с оттопыренными большими пальцами широко расставлены.

— О, о, о! — шепчет Луиза. — Папа целует маму!

Лотта, вопреки своему характеру, отталкивает сестру и сама принакает к замочной скважине.

— Ну? — спрашивает Луиза. — Все?

— Нет, — шепчет Лотта и торжественно выпрямляется. — Теперь мама целует папу.

И ликующие близнецы бросаются друг другу в объятия.

Глава двенадцатая

Господин Бенно Гравундер, пожилой опытный чиновник брачной конторы Первого района Вены, производит регистрацию брака, которая его, видавшего виды в такого рода событиях, выводит из равновесия. Невеста — разведенная жена жениха. Две необыкновенно похожие друг на друга девочки — дети жениха и невесты. Один из свидетелей, художник по имени Антон Габеле, без галстука. Зато у другого свидетеля, государственного советника профессора доктора Штробла, — собака. И эта собака в прихожей, где, собственно, ей и полагается находиться, поднимает такой шум, что ее приходится впустить, и она принимает участие в регистрации брака! Собака — свидетель! Нет, это невозможно!

Лотта и Луиза счастливо восседают на своих стульях. И они не только счастливы, но и горды, необычайно горды! Потому что они сами ви-



новницы этого великолепного, этого непостижимого счастья! Что было бы с бедными родителями, если б не было детей, а?

Приключения, слезы, страх, ложь, сомнения, болезнь — все испытали они, решительно все!

По окончании церемонии господин Габеле шепчется с господином Пальфи. При этом оба свободных художника таинственно подмигивают друг другу. Но почему они шепчутся и подмигивают, никто, кроме них, не знает.

А затем господин дирижер, повернувшись к своей молодой жене, как бы между прочим, предлагает:

— У меня прекрасная идея! Знаешь что? Сначала мы поедem в школу и запишем Лотту!

— Лотту? Но Лотта ведь уже несколько недель... Извини, ты, конечно, прав!

Господин дирижер нежно смотрит на госпожу дирижершу:

— Это я и хотел сказать!

Когда дирижер Пальфи и его жена представляют свою вторую дочь, точную копию первой, господин Килиан, директор школы для девочек, искренне удивляется. Однако многоопытный, немало повидавший на своем веку педагог недолго пребывает в этом состоянии и вскоре берет себя в руки.

И вот новая ученица, в соответствии с правилами, занесена в толстую книгу; он откидывается на спинку кресла и говорит:

— Когда я был молодым помощником учителя, мне пришлось однажды столкнуться с таким случаем, о котором я должен рассказать вам и обеим девочкам! Под пасху в мой класс поступил новый ученик. Мальчик из бедной семьи, но необыкновенно опрятный и, как я вскоре заметил, очень старательный. Ученье у него пошло хорошо. По арифметике он даже какое-то время был лучше всех. Но, замечу я, временами! «В чем же тут дело?» — думаю я. «Нет, — думаю потом, — что-то тут не так! Иногда считает он, как орехи щелкает, и ни одной ошибки, в другой раз считает медленно и, несмотря на это, делает ошибки!»

Господин директор останавливается и заговорщицки подмигивает Луизе и Лотте.

— Наконец приходит мне в голову удачная мысль. Я помечаю в записной книжке, когда мальчик хорошо считает и когда из рук вон плохо. И тут выясняется нечто потрясающее. В понедельник, среду и пятницу он считает хорошо, во вторник, четверг и субботу — считает плохо.

— Вот так так! — говорит господин Пальфи. А две девочки от любопытства ерзают на стульях.

— Шесть недель я вел наблюдение, — продолжает господин директор. — И все оставалось без изменения: по понедельникам, средам и пятницам — хорошо, во вторник, четверг и субботу — считает плохо. В один прекрасный вечер я направляюсь к нему домой и делюсь с родителями результатами своих загадочных

наблюдений. Они смущенно улыбаются и смотрят друг на друга, а потом отец говорит: «То, что подметил господин учитель, справедливо!» И свистит в оба пальца. И тут же из соседней комнаты являются два юных сорванца. Два мальчика одинакового роста и так же необыкновенно похожие друг на друга! «Они близнецы, — поясняет мать. — Сепп — хороший математик, Тони — другое дело!» Как только я немного пришел в себя, спрашиваю: «Милые люди, почему же вы не посылаете в школу сразу обоих?» И отец отвечает:

«Мы бедны, господин учитель. У наших мальчиков только один приличный костюм!»

Чета Пальфи смеется. Господин Килиан усмехается. Луиза кричит:

— Это идея! Мы сделаем так же!

Господин Килиан грозит пальцем.

— Предупреждаю вас! У фрейлейн Гштетнер и фрейлейн Брукбаур и без того достаточно хлопот, чтобы еще постоянно разбираться с вами!

— Особенно, — с воодушевлением говорит Луиза, — если мы одинаково причешемся и поменяемся местами!

Господин директор хватается за голову и делает вид, что охвачен сомнением.

Когда новоиспеченные, а точнее, повторно испеченные супруги с близнецами выходят на школьный двор, наступает большая перемена.

Девочки плотно окружают их. С удивлением и недоверием смотрят они на Луизу и Лотту.

Наконец Труда кулаками пробивается к близнецам. Тяжело дыша, смотрит она то на одну, то на другую.

— Ну и ну! — говорит она для начала. Затем обиженно поворачивается к Луизе: — Раньше ты просила меня не рассказывать об этом здесь в школе, а теперь вы просто взяли и пришли?

— Это я тебе запрещала, — заявляет Лотта.

— Теперь ты можешь спокойно рассказывать, — милостиво разрешает Луиза. — Все равно с завтрашнего дня мы будем приходить обе.

Господин Пальфи, словно ледокол раздвигая толпу, уводит свое семейство. Труда становится жертвой всеобщего любопытства. Ее отбуксировали к большой рябине и усадили на сук. Оттуда, сверху, докладывает она внимательно слушающей толпе обо всем, что ей известно.

Звонок. Перемена окончилась. Но об этом думаю меньше всего.

Учительницы заходят в классы. Классы пусты. Учительницы подходят к окнам и смотрят вниз, на школьный двор. Школьный двор полон. Учительницы осаждают кабинет директора и хором жалуются.

— Сядьте, пожалуйста, мои уважаемые дамы, — говорит он. — Служитель только что принес мне свежий номер «Мюнхенер иллюстрирте». Обложка его представляет несомненный



интерес для нашей школы. Можно попросить вас, фрейлейн Брукбаур? — и он вручает ей журнал.

Теперь и учительницы забывают, что перемена давно кончилась.

Фрейлейн Герлях, как всегда элегантная, стоит неподалеку от Оперы и удивленно смотрит на обложку «Мюнхенер иллюстрирте», где помещена фотография двух девочек с косичками. Едва взглянув на них, она так и не может оторвать глаз.

У перекрестка же останавливается такси, и в нем сидят две девочки с господином, которого она хорошо знает, и дамой, которую она не хочет знать!

Лотта шиплет сестру:

— Вон, смотри!

— Ой! Что там?

Лотта шепчет едва слышно:

— Фрейлейн Герлях!

— Где?

— Справа! В большой шляпе! С журналом в руках!

Луиза косит глаза на элегантную даму. Больше всего ей хочется показать этой даме в знак победы язык.

— Что у вас там, дети?

Вот беда, неужели мама что-нибудь заметила?

Тут, к счастью, из автомобиля, остановившегося рядом с такси, высовывается важная пожилая дама. Она передает маме журнал и улыбаясь говорит:

— Разрешите сделать вам весьма уместный подарок?

Фрау Пальфи с благодарной улыбкой берет журнал, смотрит на обложку и показывает журнал мужу.

Автомобили приходят в движение. Пожилая дама машет им на прощанье.

Дети перебираются на сиденье к отцу и тоже с удивлением смотрят на фотографию.

— Этот господин Айпельдауер! — говорит Луиза. — Такое подстроить!

— Мы же, кажется, все фотографии разорвали! — произносит Лотта.

— Но у него осталась пленка! — объясняет мама. — И он может изготовить еще сотни снимков!

— Как хорошо, что он вас надул, — вступает отец. — Без него мама никогда бы не раскрыла вашей тайны. Без него не было бы и сегодняшней свадьбы.

Луиза вдруг поворачивается и смотрит назад, в сторону оперного театра. Но фрейлейн Герлях уже далеко-далеко, и ее совсем не видно.

Лотта говорит маме:

— Мы напишем господину Айпельдауеру письмо и от всех нас поблагодарим его!

«Испеченная» пара и близнецы взбираются по лестнице дома на Ротенштурмштрассе. В открытой двери квартиры их уже ждет Рези в своем воскресном наряде, она улыбается во все свое широкое крестьянское лицо и подносит молодой женщине огромный букет цветов.

— Я очень признательна вам, Рези, — говорит молодая женщина. — И я рада, что вы остаетесь у нас!

Рези кивает, как кукла в кукольном театре, резко и угловато. Потом заикаясь говорит:

— Я бы вернулась в деревню. К своему отцу. Но я так привязалась к фрейлейн Лоттхен!

Господин Пальфи смеется:

— По отношению к нам троим вы не особенно вежливы, Рези!

Рези смущенно поводит плечами. Фрау Пальфи приходит на помощь:

— Не можем же мы вечно стоять на лестничной площадке!

— Прошу вас! — и Рези распахивает двери.

— Минуточку, — деловито произносит господин дирижер. — Мне надо сначала зайти в другую квартиру.

Все, кроме него, замерли. Неужели в день

свадьбы он опять хочет удрать в студию? (Но Рези не удивляется, совсем не удивляется. Она, наоборот, беззвучно трясется от смеха!)

Господин Пальфи идет к двери квартиры господина Габеле, достает ключ и совершенно спокойно отпирает ее.

Лотта бросается к нему. На двери прибитая табличка: «Пальфи».

— О, папочка! — кричит она, полная счастья.

И Луиза уже рядом с ней, читает надпись, хватая сестру за воротник, и начинается какой-то безумный танец. Старая лестница трещит по всем швам.

— Ну, довольно! — восклицает господин дирижер. — Теперь марш на кухню, к Рези, и помогайте ей! — Он смотрит на часы. — А я пока покажу маме свою новую квартиру. Через полчаса мы сядем за стол. Когда все будет готово, позвоните! — И он берет молодую жену за руку.

Лотта делает реверанс перед дверью напротив:

— Доброго соседства, господин дирижер!

Молодая женщина снимает шляпу и пальто.

— Какая неожиданность! — тихо говорит она.

— Приятная неожиданность? — спрашивает он.

Она кивает.

— Лоттхен уже давно этого хотела, а с некоторых пор и я, — медленно произносит он. — Габеле до мелочей разработал весь план операции и был участником сражения с мебельными фургонами.

— Поэтому-то нам и надо было сначала посетить школу?

— Да. Перевозка рояля была чем-то вроде битвы с титаном.

Они входят в рабочий кабинет. На рояле стоит фотография молодой женщины из забываемого минувшего.

Перевели с немецкого
А. ДЕВЕЛЬ и И. ЛОМАН



Рисунки А. Орлова



ЧТО ЛУЧШЕ?

Однажды к Фемистоклу, древнегреческому общественному деятелю, обратилась за советом его собственная дочь. Она сказала: „Отец! Двое юношей добиваются моей руки и хотят вступить со мною в брак. Один юноша глуп, но богат. Другой — беден, но человек ученый... Кого мне предпочесть?“

Фемистокл ответил: „Человек без денег много лучше, чем деньги без человека...“

КАКИМ ОБРАЗОМ?

Однажды знаменитого средневекового врача Абу Али Ибн Сину, или, как его называли в Европе, — Авиценну, спросили, каким образом он сумел накопить столько полезных

МЫ СТРОИМ БАМ

Вот дорога тянется
Двухполосная,
Скоро здесь останется
След колесный.
А тайга дремучая
Возмущается,
Что за жизнь кипучая
Начинается?
И гора угрюмая
Затревожилась,
Что-то очень шумно
У ее подножия.
Рельсы чудо-стрелами
Вдаль вонзились,
Чтоб составы целые
В путь пустились.

*Сергей Дердерчук,
Славгород,
Алтайский край*



ДОЛГОЖДАННЫЙ АПРЕЛЬ

Уже весна, а тучи снова хмурятся
И порошит оставшимся снежком.
Прозрачный лед хрустит, звенит на лужицах.
Сосульки с крыш свисают гребешком...
Но солнышко пригрело потеплее,
И звякнула тихонечко капель,
Воробышек чирикнул веселее —
И все понятно:

к нам пришел апрель!

*Милада Грибачева,
Братск*

знаний? Он ответил: „Очень просто! Я никогда не стыдился спрашивать, когда чего-нибудь не знал...“



РУЧЕЕК

Ручеек студеный с гор высоких падает.
(В нем и зарождается жизнь большой реки!)
Падает и плещется, звонко заливается,
С ним соединяются другие ручейки.
И течет студеная реченька широкая,
Блеском отражается в ней солнечный денек.
Вы, конечно, помните, что всему причиной
Был веселый, маленький, звонкий ручеек!

*Саша Пястолов,
Челябинск*

Рисунок Н. Куликовой

НЕ МЕШАЙТЕ РАБОТАТЬ!

Однажды к английскому писателю Бернарду Шоу в квартиру забрались воры. Самым ценным у Шоу были книги, и воры удалились восвояси, прихватив все-таки галоши писателя.

На другой день Шоу повесил у входа записку:

„К сведению воров!

В этом доме почти не осталось ценных вещей. Новые галоши уже украдены. Если вы все-таки решите прихватить вместо шарфа шерстяной коврик, на котором спит кошка, то кошку тихо переложите в кресло в прихожей. Если вам понравится кресло, кошку пристройте на подзеркальник. Подзеркальник с зеркалом брать не советую: зеркало с трещиной... И очень прошу вас не хлопать дверь, шум мешает мне работать...“

Писатель Шоу“

1979 год —
Международный год
ребенка

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Клайпеда — порт на Балтийском море. И в работах учеников художественной школы — море, корабли и маяки, а то и просто рыбаки с удочками...

Напряженна жизнь порта: всюду высятся краны, вокруг мощных современных судов сплывают катера.

Тысячи клайпедских рыбаков каждый день выходят в Балтийское море и в Атлантику. Среди них и отец юного художника Домаркаса Сигитаса, постаравшегося в рисунке передать все краски литовского порта.

Любимый праздник в Клайпеде — праздник моря. Карнавалы, всевозможные состязания и конкурсы, конечно же, привлекают ребят. Вот прямо на улице гончар со своим станком... Хочешь увидеть его мастерство? Пожалуйста!

Лелите Балтрушайтис, пятиклассница, очень любит этот веселый день. Рисую, она представляла себе яркую, праздничную ярмарку. И даже изобразила, как мальчики и девочки покупают арбузы и яблоки. А кто — и морковку. Кто что больше любит!

В этом городе много рыбаков. Олег Оснач нарисовал с натуры людей с удочками в руках.

ВЕСНА

Люда Литвинайте

КЛАЙПЕДА

Люда Филатова

БАЛТИЙСКИЙ ПРОСПЕКТ

Виргинюс Плюшкис



Каждый юный художник находит в родном городе любимый уголок. Люде Филатовой больше всего по душе старая Клайпеда. Старинный маяк, узкие улочки старого города, дома с черепичными крышами она изобразила со знанием дела.

Семиклассник Виргинус Плюшкис в графическом листе показал сегодняшнюю Клайпеду. Балтийский проспект — магистраль в районе новостроек. Вот где ничем не скованный простор, полный контраст с теснотой старого города.

— Мы рады, что наши воспитанники видят красоту, ценят ее, ценят каждую возможность порисовать с натуры, — сказал директор школы Эдвардас Малинаускас. — Особенно приятно, что и в будничном, ежедневном ребята находят свою тему. «В старом городе» — так назвал свой рисунок Валдис Пулокас, но это другое решение темы, чем у Люды Филатовой. Здесь главное — показать заботу о достопримечательностях, труд людей на благо своего города.

Для нас самое важное — научить выражать свои чувства, понимать цвет и линию...

Когда Роситу Петрашкевичюте спросили, что она хотела сказать своим рисунком, девочка охотно объяснила. Она очень любит литовскую народную песню, в которой поется, что отец однажды уехал в город за подарками своим детям: «Йонасу — дудку, Балтрису — скрипку, Пятрасу — булочку...» Вот Росита и изобразила мальчика Пятрика, которому грустно, потому что долго нет отца...

И. ЕРШОВА

В СТАРОМ ГОРОДЕ
Валдис Пулокас

НА ЯРМАРКЕ
Лелите
Балтрушайтис



В ПОРТУ
Домаркас
Сигитас



ЮНГИ КАПИТАНА ЕФИМОВА

Яхтклуб «Водник» расположен на берегу Средней Невки, точно напротив пляжей Центрального парка культуры и отдыха имени С. М. Кирова. Красный флаг на башне яхтклуба виден издали. Но разве уследишь, разве увидишь с пляжа, как выплывают на невскую воду крылатые парусники.

Один за другим, в пене и брызгах, летят они за горизонт в синюю даль залива, а потом, словно чайки, возвращаются из-за горизонта. Их стремительный бег обрывается суетой причала, голосами команд, тяжелыми шлепками воды под настилами бонгов.

И вот уже матросы — мальчишки и девчонки в длинных спасательных жилетах — вытаскивают свои суденышки на берег, сворачивают паруса и кого-то ищут глазами.

Его зовут Юрий Владимирович Ефимов. Это он здесь са-

мый главный капитан, а все остальные — его юнги.

С двумя из юнг — экипажем «кадета» № 737 — я и хотел бы вас познакомить. Но почему именно с этим экипажем? Мальчишки и море — тут, как говорится, все понятно. А вот девчонки и море — это, помоему, просто здорово.

Ходят они на «кадете» уже не первый год и понимают друг друга с полуслова. Рулевого и матроса зовут Светланами. Обе Светланы учатся в одной школе. Рулевой Коставецкая — в восьмом, а матрос Ефимов — в пятом классе.

Первое боевое крещение получили в Таллине, на своих первых международных соревнованиях. Как это было, я сейчас расскажу. И расскажу, помня слова Ефимова: «Все бы мальчишки такие были!»

Волны с моря катились большие, косматые. И судьям и участникам соревнования было понятно: в такую погоду не один экипаж искупается в холодной воде.

Едва скользнули на воду, парус поставили — кинуло Светок вперед так, что мачтой вверх-вниз замаячили. Ефимов следом на мотолодке по волнам прыгает. Со своих девчонок глаз не спускает. И сразу, как отошел от берега, четырех

мальчишек из воды вытащил. Забрались в лодку, зубами от холода лязгают: «Ну и погодка — хуже не придумаешь!»

А 737-й впереди всех крылом упрямо машет и машет. Идут девчонки к поворотному знаку. Первыми обогнули, первыми на финиш целются. А вот и отмашка флагом с судейского катера. Есть! Ура! Победа!

Но что это? Сразу после отмашки флага — и чего на свете не бывает! — кренятся на борт и — в одно мгновение переворачиваются.

К ним, конечно, со всех сторон на помощь бросились. А они режут в голос и помощи не принимают: «Мы сами!»

И правда, сами швертбот поставили, сами откачали, сами до берега дошли — и бежать куда глаза глядят.

Еле-еле нашел их потом Ефимов. Сидят под трибуной, слезами заливаются.

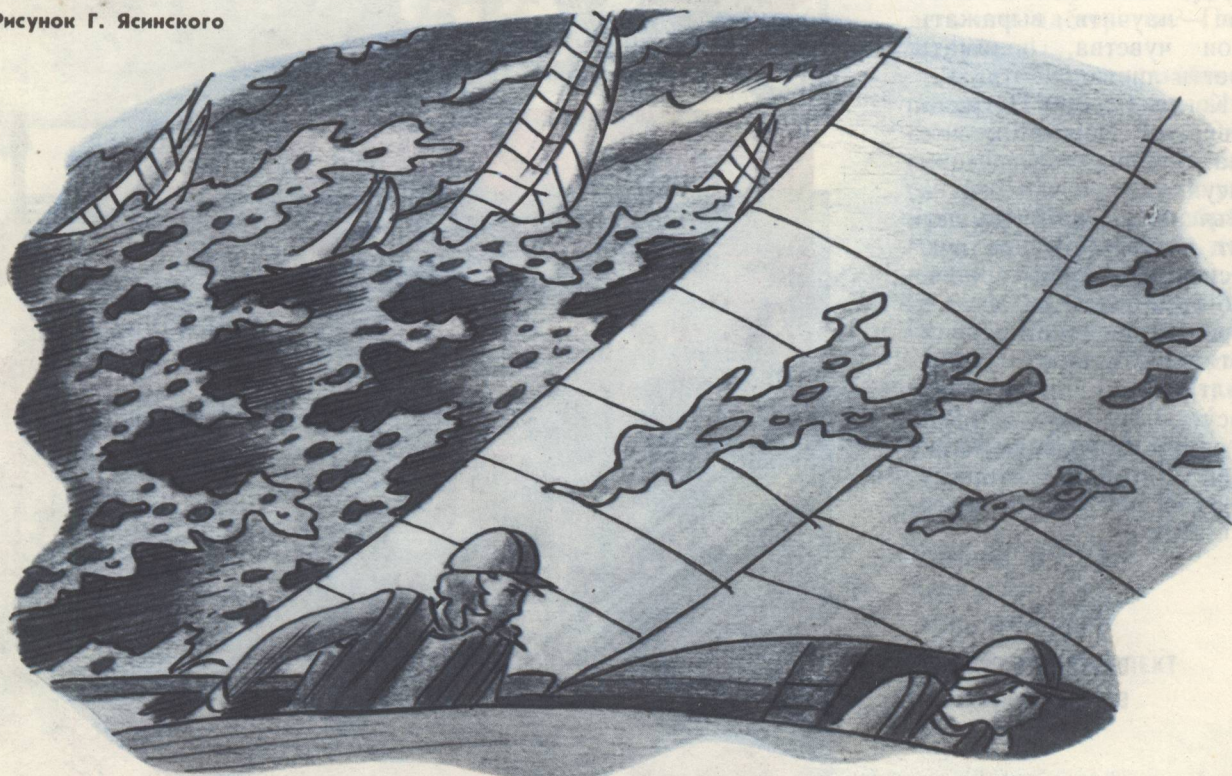
Видит Ефимов, уговорами делу не поможешь. Решил командовать.

— Встать! Слезы высушить! Для награждения призом Балтийской регаты на пьедестал почета — шагом марш!

И только тогда до них дошло, что гонку они выиграли и свою ошибку совершили уже после победного финиша.

В. ШАМШУР

Рисунок Г. Ясинского



ТВОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ



Редакция «Костра» не предполагала, что так много писем придет в ответ на публикацию рассказов о собаках.

Оказалось, что у ребят, и у мальчишек и у девчонок, очень много четвероногих друзей. И не только породистых — догов,

скажем, или овчарок, но самых обыкновенных, беспородных, лохматых, невидных, но смысленных и преданных — дворняжек! И что ценно, — ребята к ним очень привязаны, очень любят и не променяют ни на какую другую! Друг — это друг!

Что может собака?

Меня зовут Таня, фамилия Падалко. Я думаю, что собака может делать все, но самое главное — может дружить! Так я назвала и свою фотографию. На снимке с собакой Ингой мой трехлетний племянник Андрей...

ка погибла. Динго долго искал ее, но не нашел. Зато теперь он дружит со всеми кошками...

Когда я играю на скрипке, Динго, подняв вверх морду, начинает подвывать. Это его песни...

*Лилиана Власик,
Тула*

Уголок воспитания

Запомни: при обучении щенка надо быть последовательным и настойчивым!

КОМАНДА «РЯДОМ!»

Этой команде учат щенка с четырех месяцев, учат на прогулке, держа его на поводке (поводок короткий). Когда щенок спокоен и не рвется вперед или в сторону, надо подать команду «Рядом!» и одновременно пойти ровным, неторопливым шагом. Если щенок идет в нужном темпе, то через несколько шагов следует похвалить его и дать лакомство, а если он стал отставать или рваться вперед, надо замедлить или ускорить шаг и одновременно дать команду «Рядом!», успокаивая щенка и поглаживая его. Щенок должен идти возле левой ноги хозяина.

Это упражнение следует повторять во время прогулки три-четыре раза, по 10—15 минут каждый раз. Хорошо ли щенок усвоил эту команду, сразу видно, когда он гуляет с хозяином.

Мой Динго

Когда его принесли совсем маленьким щенком, у нас была сиамская кошка с котятками. Динго положили к котяткам. Подошла кошка и... стала лизать щенка. Она любовно ухаживала за ним, всегда притаскивала к котяткам, когда он уползал да-



Джогто

Мой пес хоть и дворняжка, но ученый. Я его на совесть выучила. Масти он черной, с подпалинами белыми и рыжими. Рост в холке 55 сантиметров. Когда мой Джогто чистый, он весь лоснится. Зимой шерсть делается длиннее и курчавее. Джогто три года. Он все умеет и все понимает. Моего друга я никогда не брошу!

*Люба Чагаева,
Каменск-Уральский*



леко, защищала его. Спали они всегда вместе. Динго не пищал, он принял кошку за мать, а кошка его — за сына.

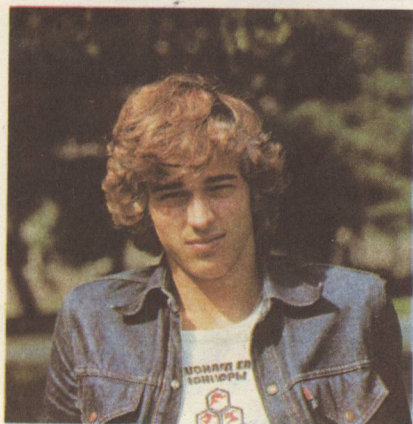
Теперь Динго подрост, а кош-



В гостях у спортклуба



рекордсмен мира по прыжкам в высоту Владимир ЯЩЕНКО



— Скажите, пожалуйста, как Вы начали заниматься спортом?

— Начинать не с прыжков. Я ходил в гандбольную секцию

и мечтал стать гандболистом. А прыжками в высоту занимался мой лучший друг — Сережа Волков. И прыгал он намного выше, чем я, хотя ростом был меньше. И однажды мое самолюбие взвыгло. Я страшно на себя разозлился и захотел посмотреть, как тренируются прыгуны в высоту. Пришел и познакомился с очень хорошим тренером — Василием Ивановичем Телегиным, с которым никогда уже не расставался.

— И спорт Вам не мешал учиться в школе?

— Знаете, в первое время этот вопрос очень волновал и Василия Ивановича. Он решил познакомиться с моими школьными учителями и был рад, что я продолжаю учиться без троек. Так я и дальше учился. И школу кончил только с двумя четверками.

— Когда Вы поверили в свои силы?

— В детском спортивном лагере на острове Хортица. Там я увидел, как мои ровесники — мальчишки десяти-двенадцати лет — спокойно прыгают в Днепр с высоченной скалы. Забрался на нее, и голова закружилась. Но если не прыгну, все подумают, что я — трус. Прыгнул. Потом еще и еще. И было уже не страшно. Василий Иванович говорит: «Кто хочет высоко прыгать, тот не должен бояться высоты».

— Когда был установлен Ваш первый рекорд?

— На Всесоюзной спартакиаде школьников во Львове. Помню, в тот день над стадионом висела грозная туча. Но у меня было хорошее настроение, когда я входил в сектор для прыжков...

— А в Ричмонде, где Вы установили свой первый мировой рекорд, стояла страшная

жара. И значит, у Вас опять было хорошее настроение?



— Да. Я убежден, что с плохим настроением человек ничего хорошего в жизни сделать не может. Не может написать интересную книгу, вырастить богатый урожай, нарисовать волнующую картину, совершить в науке открытие. И, как вы уже, наверное, догадались, всем юным спортсменам «Кузнечика» я желаю самого хорошего настроения.

*Дорогие ребята!
Читатели журнала «Космос»,
будущие члены клуба
«Кузнечик»!
Желаю успехов в освоении
прыжкового искусства!
Владимир Ященко*

Интервью вел Ю. КОВЕШНИКОВ
Фото Р. Максимова и Ю. Кривченко

Когда я вышел за калитку, Тимоха катался на велосипеде.

— Мне купили велосипед! — сказал Тимоха, подбегая ко мне и ставя ногу на асфальт. Штаны у него были заколоты красными пластмассовыми прищепками, а кепка сдвинута на затылок.

У велосипеда мне больше всего понрави-

— Стой! — закричал Тимоха.

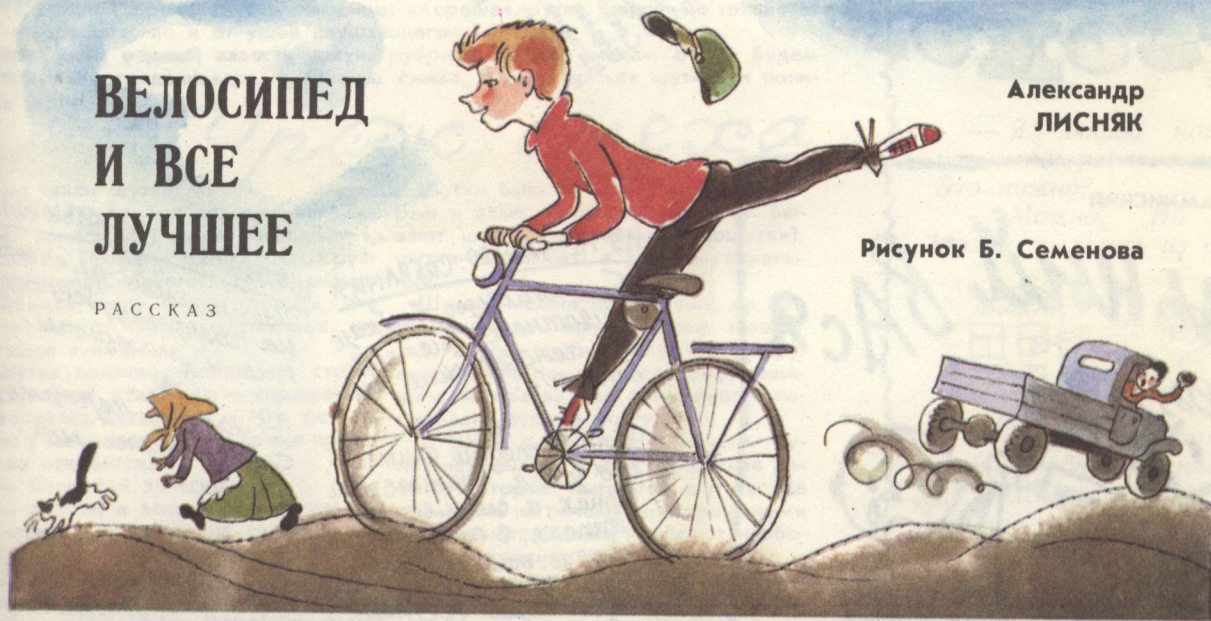
Но я почувствовал, что, как только я остановлюсь, велосипед упадет на бок.

— Лучше бы я бежал! — закричал я, все быстрее крутя педали, чтобы не упасть.

На меня неслась другая машина. Одна фара у нее почему-то горела. Я свернул, вылетел с обочины, как с трамплина, и помчался вниз по

ВЕЛОСИПЕД И ВСЕ ЛУЧШЕЕ

РАССКАЗ



Александр
ЛИСНЯК

Рисунок Б. Семенова

лась цепь и фара. А еще под сиденьем болталась кобура из желтой кожи.

— Там что? — спросил я, трогая кобуру пальцем.

— Инструменты, — сказал Тимоха, небрежно побренчав кобурой.

Я стоял и смотрел. Что еще скажешь человеку, у которого есть велосипед, когда у тебя нет ничего?!

— Хочешь покататься? — спросил Тимоха. — Только недалеко!

— А я не умею, — сказал я.

— А ты садись, я тебя научу, — сказал Тимоха. — Настоящий мужчина должен уметь кататься на велосипеде, фотографировать, плавать и драться. Понял?

Мне почему-то от его слов стало тоскливо.

— Я лучше на багажнике, — сказал я. — Или я буду бегать за велосипедом? А?

— Нет. Садись! — неумолимо сказал Тимоха.

— Так у меня ноги до педалей не достают... Короткие они! — с ужасом сказал я.

— А ты сядь на раму. Главное — не прекращай крутить педали, — сказал Тимоха. — Ну?!

Тимоха толкнул велосипед, и я начал крутить педали. Я несся по улице весь во власти безжалостного велосипеда. Я обогнал мчащийся грузовик, задохнувшись в едком ударе ветра.

тропинке к пустырю. Ветки ивняка хлестали по лицу, я сжался от предчувствия того, что любой из окружающих предметов, вдрог ставших враждебными, может меня ударить.

Впереди я увидел канаву и тонкую жердочку через нее. Я закрыл глаза. Промчался по жердочке, и она за моей спиной переломилась.

Теперь я окончательно не знал, упасть мне или продолжать ехать.

Я пролетел шуршащий шероховатый камыш и выехал на середину мелкого озера, разделив воду на пробор.

Велосипед кренился на бок, пока я не уперся ногой в дно. Было потрясающе тихо. Недалеко от меня шлепнулась в воду лягушка и косо ушла головой в дно. Вокруг разбежались круги, мелкие волны всплескивали о берег.

Я вывел велосипед из воды. Глаза мои еще слезились, а в ушах шумел ветер. Земля сонно кружилась и кренилась.

Из-за деревьев выскочил Тимоха.

— Ну как, цел? — он бросился к велосипеду и стал ощупывать, вращать рукой переднее колесо, поворачивать руль.

Потом сел и поехал. Я смотрел против солнца на прозрачно сверкающие спицы, пока Тимоха не исчез за деревьями.

Лягушка всплыла и вытаращилась на меня.

— Теперь научусь плавать, — сказал я и начал не спеша раздеваться.



СОВЕТ
 Как сделать из мухи слона?
 Эта задача совсем не сложна:
 Сначала вы рисуете муху,
 Справа от мухи — слоновье ухо,
 Слева — хобот, под хоботом — рот,
 Взгляните: слон получился у вас,
 которому муха села на глаз!

В. НЕСТЕРОВ



— Папа, у меня сюрприз:
я наконец получил пятерку.

Леонид КАМИНСКИЙ

"Сильный" Вася



Наш Василий,
 Наш Василий,
 Наш Василий Квасников
 Самый сильный,
 Самый сильный
 Среди второклассников!

Второкласснику Сережке
 Часто ставит он подножки.
 Второкласснику Андрюшке
 Как-то съездил по макушке.
 Второкласснику Гришутке
 Дал по шее ради шутки.

Наш Василий,
 Наш Василий,
 Наш Василий Квасников
 Самый сильный,
 Самый сильный
 Среди второклассников!

А в своем четвертом классе —
 Не такой уж сильный Вася.
 И боится Квасников
 Всех четвероклассников!

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Баснописцы в образе животных высмеивают человеческие слабости...

Исконные делятся на полезные, бесполезные и мамонты.

Наши предки считали, что земля покоится на слонах, а слоны стоят на черепахе. В последнем они, конечно, ошибались.

В конце переулочка стоял пожилой дом.

Наталья Ростова и Андрей Болконский встретились во второй серии...

...В воскресенье мы с папой поехали в центральный парк культуры имени отдыха.

РАЗГОВОР

Отец швырнул на стол тетрадь:
 — Диктант на полстраницы,
 А в нем ошибок — двадцать пять!
 Куда ж это годится?!

— Да нет, ошибка здесь одна, —
 Вздохнул печально Вова, —
 Я списывал с Головина,
 А надо бы — с Петрова...



ЕФ. ЕФИМОВСКИЙ

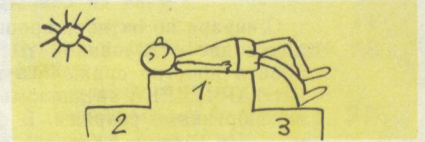
ПРИКЛЮЧЕНИЯ Тамки, Амика и Витаки В ДЕНЬ ПТИЦ

Рисунки К. Кюфа



Вопросы с места

— Я хочу стать чемпионом мира. В каком виде спорта легче всего установить рекорд?
 — Легче всего установить рекорд по лени.



— Я люблю носиться по школе как реактивный самолет. Это можно?
 — Можно. Но случайно можно вылететь из школы.



— Можно ли дома делать уроки и одновременно смотреть по телевизору передачу «Очевидное — невероятное»?
 — Можно. Но завтра у доски ты будешь нести невероятную чепуху и, очевидно, получишь двойку.

На вопросы отвечал
К. МЕЛИХАНОВ



— Все понял, жду тебя с нетерпением!

Оформление Л. Каминского

Вам не приходилось слышать такой разговор:

— Больше всего я люблю первое апреля — день смеха! Потому что в этот день можно как угодно шутить! Вот мы в классе ведро воды на дверь поставили — Васька Данилов вошел, а на него — дождь как из ведра... Умереть можно было со смеху! А на другой перемене швабру к двери поставили — Кукушкин такую шишку на лбу набил — умора! А на физкультуре Косте Шурупину в ботинок канцелярского клея налили... Обхохотались!..

Интересно, смеялся ли облитый Васька, Кукушкин с шишкой на лбу и приклеенный к ботинку Шурупин? Да и вообще, смешно ли это, когда человеку испортили костюм, сделали больно? Хорошая шутка должна быть остроумна, а в этих «забавах» ума-то как раз и не наблюдается.

А можно ли научиться остроумию? Безусловно, можно. Можно научиться шутить, но самое главное, можно научиться понимать шутку. Ибо, как говорится в одной французской поговорке: «Хорошая шутка зависит не только от уст говорящего, но и от ушей слушающего».

Вот мы и решили завести такую рубрику: «Урок смеха». В ней будем говорить о жанрах юмора, о законах смеха, будем учиться шутить и понимать шутку.

Урок смеха

Что такое шутка?

«Шутка — то, что говорят или делают не всерьез, ради развлечения, веселья». Так написано в словаре русского языка С. Ожегова. Но мы сильно ошибемся, если будем думать, что шутка — это что-то пустяковое, не стоящее внимания.

Шутка помогает побеждать страх:
 «Товарищ старшина, — спрашивает новобранец-десантник. — Что делать, если у меня парашют во время прыжка не откроется!»

- Открывай запасной!
- А если и запасной откажет!
- Тогда пойдешь на склад и обменяешь!..»

Шутка помогает превозмогать боль:

«Знаменитый итальянский композитор Пуччини сломал ногу. Другьям, которые навещали его в больнице, он говорил:

— Я очень горжусь, что строительство памятника мне уже началось! — и показывал ногу в гипсе».

Шутки бывают самые разные: добрые и злые, веселые и горькие. Бывают шутки рисованные (изошутки), шутки-пантомимы и даже музыкальные.

Шутить можно по-разному, но при этом нельзя нарушать два закона:

1. Шутка должна служить добру, она должна помогать слабому, защищать несправедливо обиженного, высмеивать дурные поступки.
2. Шуты к месту! Нет ничего глупее неуместной шутки. Есть такие ребята, которые пытаются шутить все время. Но их почему-то остроумными не считают, а даже называют наоборот: «пустосмешки».

Шутка — это перец, но не может же весь обед состоять из одного перца!

Запомните: шутка — это оружие, берегите его для боя.

Задание на дом:

- 1) Напишите нам о наиболее удачных шутках ваших товарищей.
- 2) Придумайте и нарисуйте изошутки.

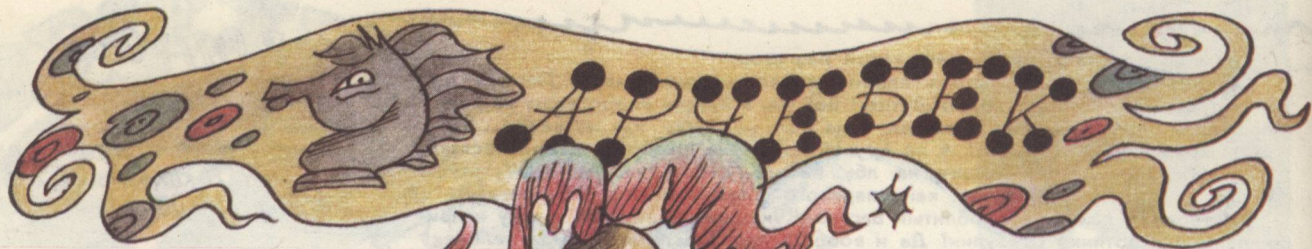
Урок провел Б. АЛМАЗОВ

Вольт СУСЛОВ

ЗАГАДКА

Пришли соревноваться бегуны.
 Два лягушонка рвения полны.
 На старте принял стойку хомячок,
 И вот звучит: «Внимание!..»
 Щелчок!
 Все побежали дружно,
 Только рак
 Преодоле л дистанцию не так.
 Попробуйте ответить,
 Почему.
 Давали старт
 На финише ему?





ОНИ ОДЕРЖАЛИ ПОБЕДУ!

С января по октябрь прошлого года почти две с половиной тысячи костровцев яростно сражались в чемпионате АРЧЕБЕКА за дипломы и призы, за спортивные разряды. В финал вышли 746 лучших. Кто же стал победителем?

Набрал по 180 очков, звание чемпиона АРЧЕБЕКА 1978 года по шахматам завоевали: Саша Гришаев (с. Ратчино), Андрей Осовской (Тотма), Алеша и Саша Розловские (п. Фрунзе). **А чемпионом и по международным и по русским шашкам стал Тадеуш Рынкун (д. Барскунай).**

Дипломом и призом награждены также:

ШХМ — Игорь Акаев (Эмба), Света Бобрешова (п. Рамонь), Станислав Герасимов (Ленинск), Толя Казун (д. Цна), Гриша Кашенко (с. Хвошеватое), Игорь Макаров (п/о Кулинич), Валерий Марочкин (п. Шахровка), Володя Парамонов (п. Красная Заря), Юра Чурюканов (Киревск), Сережа Чертов (с. Мальково), Саша Шадрин (Иваново), Алексей Шинкарев (х. Скордумовка), Света Шерман (Казань);

МШ — Володя Гагарин (Калуга), Саша Кузуб (с. Капуловка), Алексей Малов (Иваново), Валерий Марочкин, Ира Метревели (п. Подюга), Валерий Пирюткин (Ростов-на-Дону), Сережа Сержанов (Ворошиловград), Сережа Сергиенко (Макеевка), Женя Титенский (Рига), Саша Шадрин, Таня Яковлева (Запорожье);

РШ — Оля Кувшинова (Гай), Сережа Сергиенко.

Награждены дипломом и следующие победители:

ШХМ — Игорь и Олег Кобелевы (Березовский), Сережа Малков (п. Оричи), Олег Петрухин (Владивосток), Юра Сараев (Пермь), Марат Тимербаев (Бугульма);

МШ — Тимур Григорьев (Шелково), Володя Дорофеев (Брянск), Игорь Лакиза (г. Димитров), Сережа Майдилов (п. Новотроицкое), Володя Парамонов, Володя Тверских (Тюмень), Андрей Хантаев (Якутск), Володя Шевцов (Норильск);

РШ — Сережа Сержанов, Алексей Францман (Рига), Саша Шадрин.

Норму второго спортивного разряда выполнили и Сережа Бухалов (з/с Хлебодаровский), Женя Бычков (Димитровград), Толя Демущий (з/с Хлебодаровский), Юра Дегтярев (с. Ратчино), Сережа Зуб (Барнаул), Олег Иванов (с. Нижняя Омка), Леня Кошкин (Горький), Виталий Лобанов (Куйбышев), Женя Панкратьев (Курган), Гена Трегубенко (Никополь),



Саша Тищенко (Люберцы), Оля Хрупова (с. Ратчино), Толя Шиян (с. Чулаковка), Юра Ярцев (с. Ратчино).

Третий и четвертый разряды присвоены 265 участникам.

Трижды салют всем финалистам Чемпионата 1978 года!

(Решения задач призового тура будут напечатаны в «Костре» № 5)

ЧЕМПИОНАТ-79

Доблестные разведчики! В штаб АРЧЕБЕКА доставлена телеграмма:

№ 1. Б. — Krc1, Ла8, па7; Ч. — Kpa1, Ch7, пп.с2, гб. М.в 3 х.

№ 2. Б. — Kрh6, Лс8, Ch5; Ч. — Kph8, Cг8, п.г7. М.в 4 х.

№ 3. Б. — с5, е1, f2, h2; Ч. — а7, е7, f4, г5. Б. в.

№ 4. Б. — а3, b4, с3, с5, d4, g3, h2; Ч. — а5, а7, b8, d8, е7, g5, g7. Б. в.

№ 5. Б. — 28, 29, 36, 38, 39, 42; Ч. — 7, 14, 17, 18, 26, 27, Б. в.

№ 6. Б. — 25, 31, 32, 33, 35, 38, 44; Ч. — 4, 9, 14, 16, 20, 24, 40. Б. в.

Для ее расшифровки штаб АРЧЕБЕКА предлагает всем разведчикам немедленно отправиться в рейд четвертый.

Боевое задание.

1. Разведчикам ШХМ выявить, не зашифрованы ли под № 1 и № 2 позиции ШХМ и что в них нужно сделать.

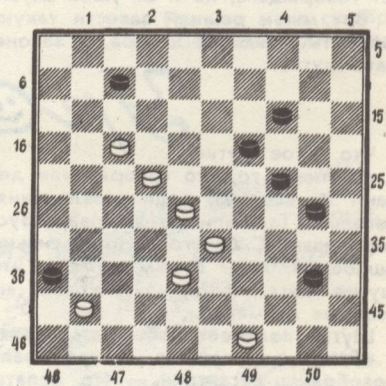
2. Разведчикам РШ выявить, не зашифрованы ли под № 3 и № 4 позиции РШ и что в них нужно сделать.

3. Разведчикам МШ выявить, не зашифрованы ли под № 5 и № 6 позиции МШ и что в них нужно сделать.

Дополнительная информация для разведчиков МШ.

Третье отличительное правило МШ такое: если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как

простая не может, она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника.



В. Степанов (Абаза). Белые выигрывают так: 1.22—18! 36:47 2.49—44! 40:49 (и стоп — третье правило!) 3.18—12! 49:23 4.12:1X.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Kрf4, п.f6; черные: Kрд5, п.h3. Если ход белых, выиграют они или нет? А если ход черных, что будет?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

В «Костре» № 2 задачи решаются так.

Чемпионат — 79. ШХМ — А. 1.Лb4!

Б. 1.Фe5! и в обоих случаях при любом ответе черных им ставится мат.

РШ — А. 1.fg5! 2.e3! 3.g5X. Б. 1.ab2!

2.cd6 3.b4X.

МШ — А. 1.25—20! 2.20:18 3.39—34X. Б. 1.44—40! 2.25—20X.

Задание резерву: Рокировка — особый ход, когда одновременно двигаются и король и ладья (Л подходит к Кр, и он «перешагивает» через нее). Рокировать нельзя, если король под шахом, если король или ладья уже ходили, если при рокировке королю пришлось бы перейти через поле, обстреливаемое противником. Рокировка делается с целью убрать короля в менее опасное место, а ладью быстро ввести в бой.

Арчебековцы! Не забудьте записать в свой «Листок учета» по 5 очков за каждый верный ответ.

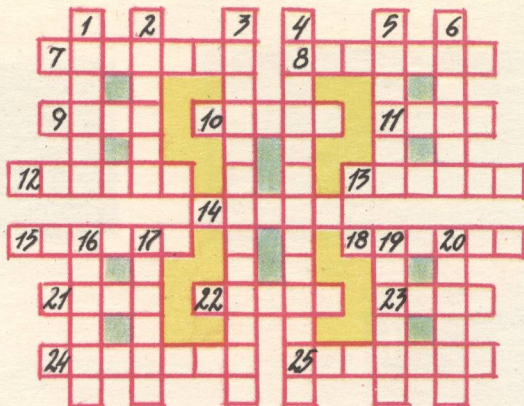
ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Всем арчебековцам отпартовать (на открытках!) о выполнении боевых заданий до 15 июня.

Шахмат-адмирал Ферзьбери





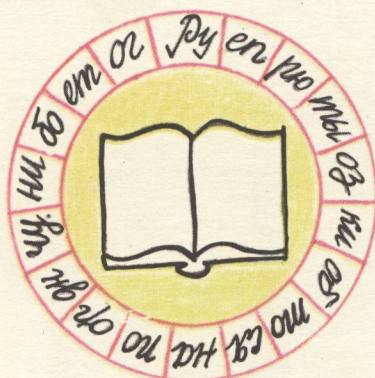
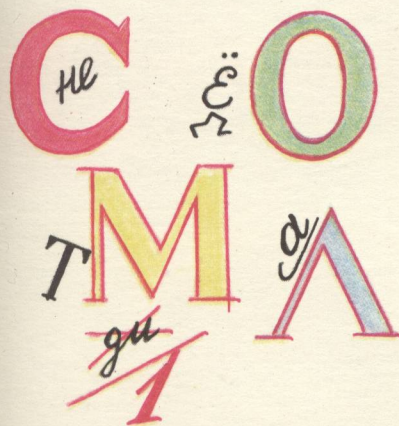
Кроссворд ТАНИ БУРМУНТАЕВОЙ из города Мыски Кемеровской области предлагаем решить от обратного. Вот слова, которые надо вписать в кроссворд.

По горизонтали: Агат, Аляс-

ка, Ангара, Зенит, Иран, Кипарис, Кобальт, Колибри, Куст, Липа, Маршак, Нектар, Овраг, Ромашка, Схема.

По вертикали: Авария, Атаман, Грампластинка, Клинок, Косуля, Оксана, Рацион, Стихотворение, Фар-тук, Штатив.

Прочтите пословицу, зашифрованную в ребусе ЛЕНЫ СМОЛЯКОВОЙ из города Кстово Горьковской области.



Головоломка ВАЛИ МАКС и её подруги **НАТАШИ** из села Новотроицкое Джамбулской области. Первый слог написан с заглавной буквы. Начиная с него и пропуская каждый раз одинаковое количество слогов, прочтите пословицу.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 3.

Кроссворд. По горизонтали: Орел, Киви, Цапля, Орлан, Вьюрок, Тетерев, Марабу, Ворон, Ремез, Чиж, Чибис, Канюк, Чеглок, Пеликан, Дупель, Щегол, Филин, Аист, Гусь.

По вертикали: Оляпка, Иволга, Нырок, Дятел, Сарыч, Стриж, Выпь, Утка, Воробей, Каменка, Сип, Грач, Лунь, Кулик, Галка, Бекас, Тупик, Гагара, Голубь.

Математические ребусы: $124 + 6959 = 7083$, $541 + 102 = 643$, $7105 + 9148 = 16253$.

У неизвестного в гардеробе пять головных уборов, четверо брюк, три пальто и двое ботинок разных цветов, которые он ежедневно меняет, чередуя цвета в определенном порядке. В субботу на нем будет кепка, красное пальто, красные брюки, желтые ботинки.

Составил и оформил **В. УФЛЯНД**

СОДЕРЖАНИЕ

Далекие близкие звезды <i>очерк Н. Крыщунка</i>	1
На целинных ветрах <i>повесть Г. Черноголовиной</i>	3
Тында — БАМ — Беркалит <i>из путевого блокнота художника Г. Ковенчука</i>	14
Как мальчишки приглашали Ленина на елку <i>рассказ О. Орлова</i>	17
«Искру» доставляют в Россию Барабан <i>журнал юнкоров, оформление А. Януса</i>	22
У пионеров Колумбии <i>очерк Л. Шульженко</i>	24
Мы смотрим в мир <i>фотооко</i>	25
Первое дежурство <i>очерк С. Иванова</i>	26
Морская газета Близнецы <i>повесть Э. Кестнера</i>	28
Поговорим о твоём рисунке Юнги капитана Ефимова <i>очерк В. Шамшура</i>	30
Твой верный друг Спортклуб «Кузнечик» <i>интервью Владимира Яценко</i>	42
Велосипед и все лучшее <i>рассказ А. Лисняка</i>	43
Веселый звонок <i>отдел юмора ведет Л. Каминский</i>	44
Арчебек <i>шахматы и шашки, отдел ведет заслуженный тренер СССР Ю. П. Барский</i>	45
	46
	48

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор Г. М. МАЛИКОВА

Рукописи и фотографии не возвращаются
 Адрес редакции: 193015, Ленинград,
 Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-12051. Сдано в набор 04.01.79. Подписано к печати 23.02.79. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 6,9. Печать офсетная. Тираж 636 000 экз. Заказ 3585. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.



МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЛЕТЫ В КОСМОС



КОСМИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Первое в мире космическое отделение связи действовало на борту станции «Салют-6». По решению Министерства связи СССР его возглавлял первый космонавт-филателист Гречко. На корабле «Союз-27» Джанибеков и Макаров привезли на борт «Салюта-6» почту и сувенирный штемпель. Космическая почта

вернулась на землю и с космодрома была разослана адресатам.

Следующую почту доставил уже интернациональный экипаж. Космонавт Владимир Ремек привез специально выгравированный чехословацкий штемпель для гашения марок.

Кому-то из вас, нынешних коллекционеров, возможно когда-нибудь придется получить письмо с красивой маркой, на которой будет штемпель «Космическая почта».